LI 112/410

У1112
410

11
720

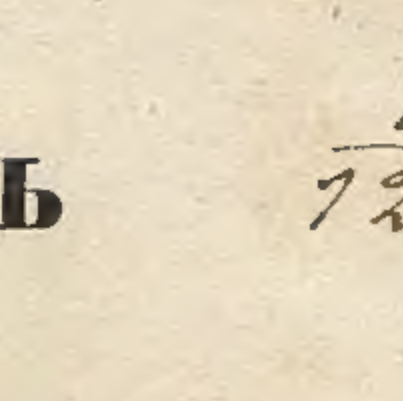
ОПЫТЪ

ФИЛОСОФІИ ПРИРОДЫ.

СОЧИНЕНІЕ

И. КЕДРОВА.

18 V 38
21



ф31-3809

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА ВНѢШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

1838.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобъ по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 2 Генваря 1838 года.

Цензоръ А. Никитенко.

2007113236

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Опытъ Философіи Природы *писанъ съ цѣлію возвысти частныя свѣдѣнія о Природѣ къ идеямъ болѣе общимъ; разсмотрѣть этотъ предметъ преимущественно съ тѣхъ сторонъ, которыми онъ прикасается къ универсальнымъ, коренным задачамъ о послѣднихъ условіяхъ и цѣли бытія. Многое знаемъ мы о феноменальной жизни Природы изъ наукъ Естественныхъ, но немногіе знаютъ ее въ той общности идея, до которой доходитъ человѣкъ ищущій стройнаго, систематическаго единства въ своихъ знаніяхъ. Авторъ не думаетъ, чтобы онъ могъ заслужить упрекъ въ такомъ дѣлѣ, которое освящено всѣми правами свободной-благонамѣренной мысли; напротивъ онъ смѣетъ надѣяться, что его столько же добросовѣстный, сколько и свободный, трудъ пробу-*

дитъ участіе въ любителяхъ основательнаго знанія и доставитъ ему современемъ возможность повѣрить свои идеи съ идеями другаго; — это единственное желаніе и лучшая награда за трудъ Сочинителя.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Введеніи излагаются: Историческое происхожденіе Философіи Природы и потребность ея въ духѣ человѣческомъ. — Различіе Философіи Природы отъ Естественныхъ наукъ и ближайшее отношеніе ея къ нимъ. — Нынѣшнее состояніе метафизическаго ученія о Природѣ. — Духъ времени. — Коренная задача Философіи Природы. — Характеристическія черты этой задачи. — Части, входящія въ составъ Философіи Природы . . . . . 1.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О ПРИРОДѢ ВЪ САМОЙ СЕБѢ.

ГЛАВА I.

О самосущности Природы.

Различные взгляды Философовъ на основное начало видимыхъ явленій Природы. — Взглядъ матеріалистовъ. — Взглядъ идеалистовъ. — Взглядъ Ф. В. Іосифа Шеллинга. — Взглядъ принимаемый сочинителемъ. . . . . 21.

ГЛАВА II.

Объ условіяхъ, подъ которыми существуетъ внутреннее начало Природы.

Причины, по которымъ обращается на этотъ предметъ исключительное вниманіе. — Части разсужденія. — Единство. — Тожество и неизмѣняемость. — Всеобщность. — Безличность. . . . . 41.

Стран.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О ПРИРОДѢ ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ БОГУ. . . . . 61.

ГЛАВА I.

О СОТВОРЕНІИ МІРА.

Понятіе о сотвореніи міра. — Анализъ идеи пространства и времени. — Рѣшеніе вопросовъ о безконечности міра, о пустомъ протяженіи въ немъ и о вѣчной матеріи. — Можно ли допустить преемственность въ сотвореніи міра. — Порядокъ творенія. — Цѣль существъ планетныхъ, разсматриваемыхъ въ недѣлимости. — Цѣль планетъ. — Цѣль существъ разумно-свободныхъ. . . . 62.

ГЛАВА II.

О Промыслѣ.

Понятіе о Промыслѣ вообще и убѣжденіе въ немъ всѣхъ народовъ, на основаніи здраваго смысла. — Виды Промысла. — Рѣшеніе нѣкоторыхъ недоумѣній, раждающихся при размышленіи объ этомъ предметѣ. . . . . 80.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

О ПРИРОДѢ ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ РАЗУМНЫМЪ ТВАРЯМЪ. . . . . 103.

ГЛАВА I.

О средствахъ, которыми Природа способствуетъ разумнымъ тварямъ къ достиженію ихъ послѣдняго предназначенія.

О средствахъ пріуготовительныхъ. — О средствахъ прямыхъ. — О средствахъ располагающихъ человѣка къ нравственному усовершенію. — Аналогическое заключеніе отъ земли къ другимъ мірамъ. . . . . 105.

Стран.

ГЛАВА II.

О душевныхъ болѣзняхъ.

Цѣль разсужденія объ этомъ предметѣ и части изслѣдованія. — Понятіе о душевныхъ болѣзняхъ. — Различные роды душевныхъ болѣзней. — Болѣзни ума. — a) Умоизступленіе. — b) Безумство. — Болѣзни сердца. — a) Меланхолія. — b) Манія или бѣшенство. — c) Смертоненистовство. — Причины душевныхъ болѣзней. — Тѣлесныя причины душевныхъ болѣзней. — Психическія причины душевныхъ болѣзней. — Отношеніе магнитизма къ душевнымъ болѣзнямъ. — Неосновательность сомнѣній въ существованіи магнитизма. — Виды магнитизма. — Общій дѣятель магнитизма естественнаго и искусственнаго. — Изъясненіе феноменовъ естественнаго магнитизма. — Возможность искусственнаго магнитизма. — Тожество органическихъ и духовныхъ отправленій въ недѣлимыхъ, поставленныхъ въ соприкосновеніе съ магнитизеромъ. — Условія, безъ которыхъ искусственный магнитизмъ невозможенъ. — Результатъ всей главы. 145

ВВЕДЕНІЕ.

Историческое происхожденіе Философіи Природы и потребность ея въ духѣ человѣческомъ. — Различіе Философіи Природы отъ Естественныхъ наукъ и ближайшее отношеніе ея къ нимъ. — Нынѣшнее состояніе метафизическаго ученія о Природѣ. — Духъ времени. — Коренная задача Философіи Природы. — Характеристическія черты этой задачи. — Части, входящія въ составъ Философіи Природы.

Философія Природы получила начало свое въ глубокой древности. Ѳалесъ и Пиѳагоръ, первые представители умственнаго образованія, о которомъ говоритъ намъ Ис-

торія, посвящали труды свои исключительно на изученіе міра. Отъ нихъ священная любовь къ мірознанію перешла въ потомство, какъ драгоцѣнное наслѣдіе предковъ. Правда, въ Средніе вѣка едва не пренебрегъ этимъ завѣтнымъ достояніемъ умъ человѣческій, погруженный, подобно богатырю послѣ долгой и напряженной дѣятельности, въ тяжкое усыпленіе; зато въ новѣйшія времена, лишь занялась заря естествознанія, онъ пробудился съ свѣжими силами и до сихъ поръ упражняетъ ихъ въ изслѣдованіи началъ и основаній Вселенной. Будущее закрыто отъ нашихъ взоровъ; но можно рѣшительно утверждать, что, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, Философія Природы будетъ развиваться и совершенствоваться все больше и больше. Ибо она не есть какая-либо роскошь ума пытливаго и досужаго; потребность ея сокрыта во глубинѣ человѣческаго духа, который, ощутивъ сознаніе въ себѣ, не можетъ быть холоднымъ зрителемъ явленій, безпрерывно и по непреложнымъ законамъ смѣняющихся предъ его взорами. Эта земля, насе-

ленная такимъ множествомъ чудныхъ твореній; эти неизмѣримыя моря, съ ихъ періодическими и таинственными колебаніями; эта неразгаданная задача, которую рѣшаютъ четыре времени года, то разоблачающія землю, то прикрывающія ее новымъ покровомъ; наконецъ, эти блестящіе шары, повѣшенные надъ нашими главами и чрезъ столько вѣковъ плавающіе въ безбрежномъ океанѣ пространствъ, — все это не пропзводитъ ли въ душѣ размышляющаго человѣка сильныхъ потрясеній, не пробуждаетъ ли въ ней глубокихъ думъ, сначала безотчетныхъ, а потомъ разрѣшающихся въ непреоборимое влеченіе приникнуть къ тайнамъ Природы, постигнуть ея вѣчныя законы? И безъ причины ли Платонъ и Аристотель, представители всей древней Философіи, признали началомъ любомудрія внезапное удивленіе, которымъ человѣкъ, по ихъ мнѣнію, объятъ былъ при первомъ взглядѣ на Вселенную? Притомъ, мы занимаемъ въ мірѣ опредѣленное мѣсто; мы составляемъ часть его; наша судьба неразрывно соединена съ его судьбою; наше

благосостояніе зависитъ, въ извѣстной степени, отъ благосостоянія его. Итакъ не должны ли мы, по мѣрѣ силъ своихъ, поднимать завѣсу, скрывающую отъ умственнаго взора нашего послѣднія основанія и условія, при которыхъ все живетъ въ Природѣ? Не лежитъ ли на насъ обязанность, для собственнаго блага и счастія, вникать въ назначеніе обитаемой нами планеты и замѣчать пути, которыми она приближается къ послѣдней цѣли? Короче, не долженъ ли духъ нашъ заниматься *умозрительнымъ* изслѣдованіемъ Природы?

Мы сказали: *умозрительнымъ* изслѣдованіемъ, для того, чтобы показать различіе между Философіею Природы и, такъ называемыми, Естественными науками. Послѣднія ограничиваются изученіемъ Природы *опытнымъ*, потому что предметъ ихъ составляютъ не послѣднія основанія и условія міровой жизни, но физическія явленія, разсматриваемые въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова. Правда, ни одна опытная наука не можетъ обойтись безъ извѣст-

ныхъ началъ, а начала предполагаютъ умозрѣніе; но это показываетъ только то, что Философія Природы находится въ ближайшемъ отношеніи къ Естественнымъ знаніямъ. И въ самомъ дѣлѣ, она приводитъ разбросанныя части ихъ въ цѣлое, сообщаетъ разнороднымъ фактамъ жизнь, которой они сами по себѣ не имѣютъ. Безъ ней мы видѣли бы во всѣхъ опытныхъ знаніяхъ сборъ наблюденій, безъ главной цѣли, безъ идеи. Физикъ, Механикъ, Физіологъ, Астрономъ, — всѣ естествоиспытатели размежевали бы между собою Природу, чтобы производить опыты надъ нею съ различныхъ сторонъ; но всѣ эти опыты переходили бы въ сознаніе наше въ однихъ только отрывкахъ науки, безъ сокровенныхъ пружинъ, которыя дѣйствуютъ въ мірѣ, и безъ необходимыхъ условій, подъ которыми все происходитъ предъ нашими глазами. Природа теряла бы въ мысленномъ мірѣ нашемъ то единство, которое такъ ясно открывается въ ней, при одномъ взглядѣ на небо и землю. Нѣтъ, не таковъ долженъ быть умственный міръ естествознанія, созидаемый по

образцу видимаго. Та же самая жизнь, которая одушевляетъ Вселенную независимо отъ нашихъ представленій, должна одушевлять и познанныя явленія міра, въ области умственной; а потому быть исключительнымъ предметомъ изслѣдованія. Для этой-то цѣли развитіе умозрительной науки о Природѣ столько необходимо, сколько само въ себѣ естественно. Говоря образно, въ ней долженъ сохраняться ключь къ таинствамъ Природы, который стараются отыскать всѣ Естественныя знанія.

Но при всей древности своего происхожденія, при всемъ внутреннемъ достоинствѣ и вліяніи на Естественныя науки, Философія Природы, безъ всякаго сомнѣнія, находится еще въ самомъ младенческомъ состояніи. Предметы, входящіе въ составъ ея, частію вовсе не раскрыты, частію изъясняются только съ нѣкоторыхъ сторонъ. Что наприм. знаемъ мы о звѣздномъ небѣ? Что знаемъ о безконечности міровъ, кажущихся намъ блестящими точками на сводѣ небесномъ? У кого, при одномъ представле-

нiи объ нихъ, не слабѣетъ мысль и не изнемогаетъ воображеніе? Всѣ наши свѣдѣнія о мірѣ простираются не далѣе солнечной системы, которая теряется въ безпредѣльности мірозданія, какъ капля въ морѣ. Но и здѣсь не по своей ли планетѣ мы судимъ о прочихъ? А величина земли нашей что значитъ предъ всѣми мірами Вселенной? Была бы еще не малая отрада, если бы мы хорошо знали свою планету. Къ несчастію и этого нельзя сказать утвердительно. Ибо много ли изъяснимыхъ для насъ явленій, между тѣми, которыя повторяются почти ежедневно? Наши понятія о магнитизмѣ и электричествѣ, о развитіи растеній и способностяхъ животныхъ не суть ли одни шаткія, чтобъ не сказать жалкія, предположенія? Мы гордимся своимъ разумомъ и называемъ себя владыками земли; но не знаемъ, какъ пища, которую вкушаемъ, насыщаетъ насъ, и какъ вода, которую пьемъ, утоляетъ нашу жажду. Однимъ словомъ, переворачивая листы великой книги Природы, мы не понимаемъ въ полномъ смыслѣ ни одной ея буквы. Какъ не

сказать съ знаменитымъ Боннетомъ, что еслибы мы узнали сущность одного насѣкомаго, то это познаніе наше превзошло бы всѣ доселѣ пріобрѣтенные свѣдѣнія о мірѣ? А сколько вѣковъ умъ человѣческій трудится надъ рѣшеніемъ космическихъ задачъ! Сколько замѣчательныхъ именъ стоитъ въ Исторіи системъ философскихъ отъ Оалеса до Шеллинга и Окена!

Странно, что, послѣ вѣковыхъ неудачъ въ метафизическомъ изслѣдованіи Природы, обратилось въ духъ нашего времени — стремиться къ познанію сущности вещей. При всемъ уваженіи къ генію Нѣмецкихъ мыслителей, о которыхъ Исторія возвѣститъ цѣлому потомству, должно сказать, что они ищутъ невозможнаго. Предпринимая осуществить мысли свои, какія бы онѣ ни были, надобно прежде всего имѣть достаточныя средства къ тому, чтобы привесть намѣренія свои въ исполненіе; безъ вѣрныхъ средствъ планы разрушаются. Какія же средства Природа дала намъ, для того, чтобы проникнуть въ сущность вещей?

Еслибы мы не были связаны условіями пространства и времени; еслибы разумъ нашъ непосредственно созерцалъ всѣ тайныя пружины міровыхъ силъ: то можно бы смѣло ручаться за успѣхи столь высокаго по себѣ и благороднаго предпріятія. Подъ этимъ условіемъ, вся задача состояла бы въ разрѣшеніи одного вопроса: правильно ли умственное око наше передастъ намъ впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ? Но созерцаніе разумное не есть удѣлъ существъ, облеченныхъ плотію; оно свойственно только тому, Кто наполняетъ собою и поддерживаетъ своею зиждительною десницею все существующее. Намъ, какъ существамъ ограниченнымъ, дано лишь стремленіе къ созерцанію, которое по-крайней-мѣрѣ въ настоящей жизни не можетъ разрѣшиться въ ясновидѣніе, предполагающее независимость отъ всѣхъ условій пространства и времени. Какъ невозможно намъ, по самой природѣ, сдѣлаться независимыми отъ формъ чувственности, такъ невозможно, по естественному устройству нашего существа, предполагать, что предметы, нынѣ непостижимые,

чрезъ нѣсколько вѣковъ откроются для насъ во всей своей ясности. Правда, есть средства у насъ мало по малу прояснять въ своемъ сознаніи темноту пріобрѣтенныхъ понятій или, другими словами, протирать тусклое стекло гаданій и умозаключеній; но это раждаетъ утѣшительныя надежды созерцанія только при мысли о будущей жизни и вѣчной усовершимости въ ней нашего духа.

Развѣ умъ не ведетъ насъ къ истинному уразумѣнію природы вещей, посредствомъ логическихъ своихъ формъ? Но формы мышленія....? Это сѣти, въ которыхъ мы непрестанно запутываемся вмѣстѣ съ предметами мышленія; это повязки на очахъ нашихъ, сквозь которыя разсудокъ всего чаще истину принимаетъ за ложь, и наоборотъ, во лжи увѣрятся, какъ въ истинѣ; это, наконецъ, какъ представлялъ Якоби въ письмѣ своемъ къ Фихте, кольца меледы, игра которыми благопріятствуетъ сокращенію времени, но не рѣшаетъ никакой задачи. Возмите всякій предметъ для

размышленія и, оставя дѣйствительное бытіе его въ сторонѣ, судите о немъ, сравнивайте съ чѣмъ угодно, выводите заключеніе изъ заключеній, стройте цѣлое зданіе мыслей: результатъ будетъ одинъ и тотъ же — заблужденіе. Нѣтъ, не творить должно намъ міръ, чего мы никогда не въ состояніи сдѣлать, но ограничиваться благоговѣйнымъ испытаніемъ вещей, сотворенныхъ прежде нашего существованія. Поэтому-то новѣйшая трансцендентальная Философія, которая весьма мало держится опыта, можетъ быть названа поэзіей, носящей на себѣ типъ Нѣмецкой національности. Въ ней, какъ въ волшебномъ мірѣ, все устроено прекрасно, все совершается послѣдовательно и при извѣстныхъ условіяхъ. Трудно ли этимъ обольститься уму гордому и жаждущему новизны! Но стоитъ только болѣе приглядѣться къ дѣйствительности, и міръ очарованія изчезнетъ. Въ Арабскихъ сказкахъ говорится, что одинъ Египетскій царь вздумалъ построить дворецъ подъ небесами. Были у него и архитекторы искусные — двое дѣтей. Дѣло не

остановилось за тѣмъ, какъ ихъ поднять на мѣсто построенія дворца. Они посажены были въ корзины, привязаны къ молодымъ орламъ и — вотъ, очутясь на воздухѣ, представили себя на небѣ и хотѣли начать работу. Недоставало только одного— матеріаловъ. Подайте, кричали юные архитекторы, подайте намъ матеріаловъ, и работа не начиналась, потому что исполнить ихъ требованія не было никакой возможности. Этотъ разсказъ весьма удачно можетъ быть приспособленъ къ трансцендентальной Философіи. Умъ послѣдователей и защитниковъ ея, подобно Египетскому царю, мечтаетъ построить зданіе абсолютнаго вѣдѣнія Природы, почти независимо отъ дѣйствительности вещей, внѣ насъ находящихся. Отвлеченіе и обобщеніе суть его дѣти, которыя въ опытномъ мірѣ производятъ много прекраснаго; а любопытство и гордость — орлы, поднимающіе дѣтей въ туманныя области метафизики. Воображая себя въ нѣдрѣ Безконечнаго, архитекторы покушаются безъ матеріаловъ осуществить

безразсудное предпріятіе царя, забывая что это вовсе невозможно.

Но если разсудокъ не ведетъ насъ посредствомъ формъ мышленія къ познанію сущности Природы, то не имѣетъ ли онъ возможности достигнуть этой цѣли, при помощи опыта? Вотъ послѣдній и самый вѣрный способъ познанія истинно основательнаго. Въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что разсудокъ, сопутствуемый наблюденіемъ, служитъ прекраснымъ руководителемъ ко многимъ цѣлямъ, такъ что Кантъ по всей справедливости могъ назвать его способностью цѣлей (facultas finium); но уже по тому самому, что онъ привязанъ къ опыту, не можетъ дать намъ понятія о внутренней природѣ вещей. Хотя явленія, замѣчаемые нами въ мірѣ, суть обнаруженія сущности Природы; впрочемъ тогда лишь могли бы мы непогрѣшительно судить по нимъ о самой сущности, когда бы всѣ они были совокуплены вмѣстѣ и вели непосредственно къ тѣмъ, а не къ другимъ заключеніямъ. Но пока фактовъ собрано не

слишкомъ много, и тѣ могутъ быть обращены для доказательства различныхъ предположеній, — наши метафизическія познанія о Вселенной по необходимости должны почитаться относительными, выражающими болѣе подлежательный образъ мыслей, нежели самое существо дѣла. А когда мы можемъ собрать и привесть къ единству такое многоразличіе явленій, какое существуетъ въ мірѣ? Когда мы, населя незамѣтную точку въ системѣ мірозданія, можемъ обнять и представить соединеннымъ въ единицу безпредѣльное? Здѣсь человѣческій умъ долженъ смириться и сознать однажды на всегда свое безсиліе. Да и при самой полнотѣ фактовъ, еслибъ она была возможна, сколько сомнѣній родилось бы въ немъ, касательно внутреней ихъ связи и взаимнаго отношенія! Сколько толковъ возникло бы, отъ различнаго пониманія данныхъ, о томъ, что на нихъ слѣдуетъ построить! Исторія философскихъ системъ ясно доказываетъ, что умъ весьма неискусный строитель и при готовыхъ матеріалахъ. Гордый своимъ происхожденіемъ,

онъ изъ немногихъ фактовъ хочетъ создать нѣчто огромное и въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ то разрушаетъ, то снова строитъ системы. Можно конечно думать, что неудачи научатъ разсудокъ человѣческій быть опытнѣе; но предполагать, что этотъ слабый свѣтильникъ нѣкогда озаритъ сіяніемъ своимъ самыя сокровенныя свойства Природы, значило бы забывать, что формы мышленія, подъ которыя мы не можемъ не подводить всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ наблюденій, ограничиваются сравненіемъ фактовъ, приведеніемъ ихъ къ единству и заключеніемъ отъ извѣстныхъ изъ нихъ къ неизвѣстнымъ. Значитъ ли все это проникать въ сущность вещей?

Итакъ мы не имѣемъ надежныхъ средствъ къ познанію сущности Природы. Созерцаніе, отрѣшенное отъ условій пространства и времени, не есть удѣлъ существъ ограниченныхъ; игра логическихъ понятій не ведетъ ни къ какому разумѣнію міра; явленія чаще повергаютъ въ нерѣшительность нашъ слабый умъ, нежели от-

крываютъ ему таинственный источникъ, изъ котораго они проистекаютъ.

Для чего же, могутъ сказать намъ, Творецъ вложилъ въ конечный духъ нашъ непреодолимое и недовѣдомое влеченіе къ истинѣ? Для того ли, чтобы искать ее и никогда не найти? Для того ли, чтобъ мучиться этою жаждой и никогда вполнѣ ея не утолить? Это противно было бы Благости Божіей, которая, создавъ человѣка для блаженства, въ самомъ источникѣ блаженства открыла бы такимъ образомъ источникъ мученій. Если же такъ, то познаніе сущности Природы рано или поздно должно составить пріобрѣтеніе ума человѣческаго; тѣмъ болѣе, что существованіе нашего рода нельзя ограничивать предѣлами времени. Но цѣль, для которой намъ суждено довольствоваться относительнымъ знаніемъ міра, безъ сомнѣнія не та, чтобы духъ нашъ томился жаждою вѣдѣнія и мучился; напротивъ, чтобы онъ, какъ Протей, смѣняя одни понятія за другими, не тщеславился, при непостоянствѣ мыслей, сво-

ими познаніями и не поставлялъ всего достоинства разумныхъ существъ въ умственномъ усовершеніи. Въ природѣ души нашей есть нѣчто высшее и гораздо важнѣйшее теоретическаго образованія: это нравственность, которая одна можетъ дать истинное значеніе всѣмъ пріобрѣтеніямъ разума. Къ ней-то должны мы направлять всѣ свои изслѣдованія о мірѣ, чтобы они получили свою цѣну. Посему коренная задача Философіи Природы состоитъ, по нашему мнѣнію, не въ уразумѣніи сущности вещей, но въ пріобрѣтеніи надлежащихъ свѣдѣній о мірѣ, способствующихъ къ нравственному развитію и усовершенію человѣчества.

Въ пользу этой задачи, которую должна рѣшить Философія Природы, надобно сказать слѣдующее:

1.) *Она есть самая возвышенная.* Ибо ничто такъ не приближаетъ человѣка къ Богу, какъ нравственныя качества души, соединенныя съ мудростію, и ничто столько не требуетъ попеченій въ настоящемъ

состояніи нашемъ, какъ исправленіе глубоко поврежденной въ насъ нравственной природы.

2.) *Она не превышаетъ умственныхъ силъ нашего духа, какъ познаніе сущности Природы.* Напротивъ всякое здравое разсужденіе о мірѣ, какъ бы ни мало оно вводило насъ въ сокровенныя тайны естествознанія, можетъ пробуждать въ душахъ нашихъ высокіе помыслы и подавать средства къ укрѣпленію слабыхъ въ добродѣтели.

3.) Но при всей простотѣ своей, *она будетъ всегда нова и завлекательна*; потому что, съ постепеннымъ расширеніемъ круга естественныхъ познаній, всегда открываются новыя точки зрѣнія на міръ, и слѣдовательно новыя средства, могущія способствовать нравственному совершенству человѣка.

Показавши цѣль, къ которой должны быть направлены всѣ наши умозрительныя

изслѣдованія Природы, и утвердивши за нею преимущества предъ другою цѣлію, для которой Новѣйшіе Философы истощаютъ свои силы, намъ остается опредѣлить части, долженствующія войти въ составъ Философіи Природы. Здѣсь съ перваго взгляда представляется то, что недѣлимыя, изъ которыхъ состоитъ міръ, не носятъ въ сознаніи своемъ, подобно человѣку, печати небеснаго происхожденія, и слѣдственно чужды всѣхъ нравственныхъ качествъ духа. Поэтому мы должны разсматривать ихъ въ отношеніи къ Богу и существамъ разумнымъ, ограниченнымъ пространствомъ и временемъ, чтобы изслѣдованія наши заключали въ себѣ нравственный характеръ. По поелику основаніе упомянутыхъ двухъ отношеній Природы находится въ ней самой, то прежде всего мы должны обратить вниманіе на нее, какъ нѣчто само въ себѣ или безотносительно существующее. Итакъ въ составъ Философіи Природы, сообразно принятой нами цѣли, входятъ слѣдующія три отдѣленія: 1.) О Природѣ въ самой себѣ (absque omni relatione); 2.) О Природѣ

въ отношеніи къ Богу; и наконецъ 3.) О Природѣ въ отношеніи къ разумнымъ существамъ, ее населяющимъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О ПРИРОДѢ ВЪ САМОЙ СЕБѢ.

Разсуждая о Природѣ въ самой себѣ, мы должны рѣшить два главныхъ вопроса: 1) имѣетъ ли она внутреннее начало бытія и жизни? 2) Подъ какими условіями существуетъ это начало, если его нельзя отвергнуть? Посему первое отдѣленіе нашего ученія о Природѣ будетъ состоять изъ двухъ главъ.

ГЛАВА 1.

О самосущности Природы.

Различные взгляды Философовъ на основное начало видимыхъ явленій Природы. — Взглядъ матеріалистовъ. — Взглядъ идеалистовъ. — Взглядъ Ф. В. Іосифа Шеллинга. — Взглядъ принимаемый сочинителемъ.

Не много нужно ума и наблюдательности, чтобы замѣтить, какъ безконечно

въ видимомъ мірѣ разнообразіе явленій, и какъ всѣ они сливаются въ общую гармонію Природы, невольно изумляющую внимательнаго зрителя; но когда дѣло касается начала, изъ котораго такъ премудро и такъ чудно развивается вся совокупность явленій, то самые ученѣйшіе мужи дѣлятся одинъ отъ другаго во мнѣніяхъ и теряются въ различныхъ догадкахъ. Такъ называемые матеріалисты вовсе не допускаютъ внутренняго основанія для явленій, происходящихъ въ мірѣ. Идеалисты переносятъ изъ видимой Природы основное начало ея въ область чисто умственную. Наконецъ, Философія Шеллинга, отчасти соприкосновенная идеалистическому взгляду на Природу, вводитъ въ нее *абсолютную сущность*. Всѣ эти ипотезы намъ современны, и потому требуютъ тщательнаго изслѣдованія.

По мнѣнію матеріалистовъ существуетъ только то въ мірѣ, что подлежитъ или по крайней мѣрѣ можетъ подлежать чувствамъ. Все, превышающее чувства наши имѣетъ одно мнимое или воображаемое бытіе, а не дѣйствительное. Поэтому невидимыя и неосязаемыя причины, которыми иные хотятъ изъяснить дѣйствія Природы,

подлежащія чувствамъ, по ихъ системѣ, вовсе не существуютъ, кромѣ одной Верховной причины. Вотъ общее основаніе матеріалистическаго взгляда на міръ. Въ частности, одни изъ матеріалистовъ стараются всѣ физическія явленія изъяснить атомами, другіе вещественными силами, каковы суть: магнитизмъ, электричество и галванизмъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что Природа вся открывается намъ въ явленіяхъ и что глубже ихъ въ ней ничего подозрѣвать не должно.

Нужно ли много размышлять, чтобы понять всю несообразность ученія матеріалистовъ о Природѣ съ здравыми понятіями разсудка? Не допуская въ мірѣ ничего постояннѣе и неизмѣннѣе вещества, подлежащаго чувствамъ, они останавливаются на однихъ формахъ тѣлесныхъ, безпрерывно смѣняющихся и проходящихъ во времени. Ихъ міръ не тотъ, который существуетъ предъ нами и въ которомъ все измѣняется, не теряя своего дѣйствительнаго бытія. Это — царство тѣней, въ которомъ являются различныя привидѣнія и безпрерывно смѣняютъ одно другое. Никто не можетъ убѣдить насъ, что есть жизнь тамъ, откуда изгнано неизмѣняемое начало бытія, и гдѣ каждая вещь только бо-

ретсл съ разрушительными стихіями, чтобы рано или поздно разсыпаться отъ нихъ въ прахъ: а безъ жизни что значитъ міръ, какъ не одинъ призракъ воображенія? И какой призракъ создали себѣ матеріалисты! Сердце невольно замираетъ отъ ужаса. Все, что есть возвышеннѣйшаго и святѣйшаго въ разумной душѣ, онъ похищаетъ у насъ; всѣ благородныя чувства, всѣ спасительныя вѣрованія и животворныя надежды — эти священныя нити, связующія насъ съ Божествомъ, имъ разрываются. Если не существуетъ въ мірѣ ничего кромѣ матеріи, къ чему вѣра наша въ безсмертіе, и что значитъ ужасъ вѣчныхъ мученій, какъ не отрава минутныхъ и единственныхъ наслажденій чувственности? Если въ человѣкѣ нѣтъ ничего духовнаго, для чего возвышаться тогда ему надъ неразумными тварями и надъ своими склонностями? Какой награды ожидать за всѣ доблести душевныя? Наконецъ, если въ мірѣ все матерія, то что можетъ пролить какое нибудь утѣшеніе въ душу человѣческую, изнемогающую подъ бременемъ скорбей и несчастій? Ей остается ненавидѣть весь міръ, проклинать свое бытіе и желать скорѣйшаго уничтоженія, какъ блага. Такъ убійственны для насъ послѣдствія матеріализма, ко-

торый вообще не допускаетъ въ Природѣ ничего сверхчувственнаго.

Въ частности:

а) атомы не могутъ быть признаны началомъ всѣхъ явленій, происходящихъ въ видимой Природѣ. Если бы изъ механическаго соединенія и раздѣленія ихъ въ самомъ дѣлѣ изъяснялись обнаруженія жизни растительной и животной, что хотятъ всѣми силами доказать атомисты, — и тогда необходимо было бы предположить другое начало, существующее въ основаніи всѣхъ перемѣнъ, производимыхъ атомами на различныхъ степеняхъ развитія Природы. Ибо атомы суть тѣ же тѣла, изъ которыхъ состоитъ міръ, только раздробленныя въ воображеніи на мельчайшія, недѣлимыя частицы. А разрѣшать цѣлое на части, и обратно изъ частей составлять цѣлое, значитъ ли изъяснять явленія физическія? Это просто превращеніе всего существующаго въ первобытный хаосъ и слѣпленіе изъ него одного цѣлаго, но слѣпленіе рѣшительно случайное, не имѣющее никакихъ основаній. Представимъ себѣ, какъ можемъ, весь міръ физическій въ недѣлимыхъ частицахъ, дадимъ каждой изъ нихъ собственное движеніе: только ли нужно для того, чтобы образовался міръ со всѣмъ

своимъ разнообразіемъ и чудными красотами! Только ли нужно было для сочиненія *Иліады* Гомеровой, или Платоновыхъ *Разговоровъ*, чтобы взять буквы и перемѣшать ихъ! Нѣтъ, изъ механическаго соединенія буквъ никогда не могла бы составиться и *Телемахида*; тѣмъ несравненно болѣе изъ механическаго движенія частицъ никогда не могъ образоваться міръ съ этимъ небомъ, усѣяннымъ звѣздами, и съ этой землею, населенною безконечно разнообразными существами. Итакъ атомы не только не составляютъ матеріальнаго начала для изъясненія развитія Вселенной, напротивъ сами необходимо предполагаютъ начало, какъ единственный способъ къ тому, чтобы изъ безобразнаго хаоса образовалось одно цѣлое, исполненное жизни.

b) То же самое должно сказать и о вещественныхъ силахъ, которыми матеріалисты хотятъ объяснить бытіе и жизнь Природы. Электричество, магнитизмъ и гальванизмъ не могутъ быть положены въ основаніе всѣхъ естественныхъ явленій, потому что сами, по опытному суду Физиковъ, (*) суть частныя обнаруженія свѣта

(*) *Біологическое изслѣдованіе природы* стр. 32 и 33. Даніила Велламскаго. Также *Основанія Физики* Ч. 2 стр. 286—290. Михаила Павлова.

(или теплоты) и тяжести. А свѣтъ и тяжесть? Они, хотя признаются всемірными и первообразными дѣятелями, но тѣмъ не менѣе подчинены въ своихъ измѣненіяхъ какимъ-то внутреннимъ причинамъ. Мы замѣчаемъ, что свѣтъ служитъ причиною видимости, цвѣтности и т. п.; но отчего онъ долженъ быть такимъ? На этотъ вопросъ явленія не даютъ намъ отвѣта. Насъ поражаетъ чудный механизмъ Природы, имѣющій основаніе свое въ силѣ тяжести; но почему тяжесть именно такова въ своихъ обнаруженіяхъ? На это рѣшеніе можно найти только въ существѣ ея, выше опыта. Вотъ почему и самые Физики, для изъясненія вещественныхъ силъ или силъ въ явленіяхъ, предполагаютъ невещественныя или силы въ самихъ себѣ. Тѣмъ болѣе на вопросы Философа ничто матеріальное не можетъ дать сколько нибудь удовлетворительнаго отвѣта. Полеты разума его быстры и выспренни; размѣры велики; потребности неограниченны.

Но если матеріалисты слишкомъ много присвояютъ матеріи, то идеалисты все отнимаютъ у ней для идеи. По ихъ мнѣнію, вещество не имѣетъ само въ себѣ ни чего твердаго и постояннаго, такъ что, при безпрерывной смѣнѣ явленій, не можетъ быть

доказано самое бытіе его. Въ собственномъ смыслѣ, существуетъ не матерія, но идея— эта вѣчная, непзмѣняемая пить, связующая феномены, одинъ за другимъ пзчезающіе въ пространствѣ и времени. Она-то и есть животворное начало Прпроды.

Согласны, что явленія физическія возможны, какъ и вообще явленія, только подъ условіемъ сущности своей; иначе они были бы явленіями *ничего* (non entis) и слѣдственно уничтожали бы сами себя. Только, идеи ли составляютъ сущность вещей и всего міра? Въ нихъ ли заключается непзсякаемый источникъ жизни, который орошаетъ и плодотворитъ различныя царства Природы? Это по крайней мѣрѣ подлежитъ сомнѣнію. Чтобы удобнѣе рѣшить недоумѣніе, мы почитаемъ нужнымъ отличить и разсмотрѣть порознь идеализмъ *подлежательный и предметный*, полагая въ основаніе своего раздѣленія то, что идеи суть плодъ разума или нашего человѣческаго, или Божественнаго.

а) Идеализмъ *подлежательный* предполагаетъ начало всѣхъ физическихъ явленій не въ самой Природѣ, но въ идеяхъ, которыя о ней имѣетъ разумъ нашъ, и ведетъ прямо къ той мысли, какую Фихте нѣкогда взялъ въ основаніе своей системы,

и въ послѣдствіи самъ отказался отъ своего ученія о мірѣ. Эта мысль состоитъ въ томъ, что міръ есть ограниченіе нашего *я*, полагающаго самаго себя и разширяющагося по всѣмъ направленіямъ. Иначе невозможно и думать о Природѣ видимой, когда ей усвояется бытіе въ идеяхъ чистаго разума.

Но если міръ получаетъ начало свое отъ нашего духа, который полагаетъ себя и вмѣстѣ въ самомъ же себѣ встрѣчаетъ преграду своей дѣятельности, то существованіе Природы необходимо только потому, что духъ нашъ встрѣчаетъ въ себѣ преграду своей дѣятельности и дѣйствительно столько, сколько дѣйствительны всѣ мысли существа, ограничивающаго себя въ сознаніи. Мы не можемъ не мыслить о мірѣ, точно такъ, какъ не можемъ быть неограниченными, но, внѣ нашего разсудка, онъ не имѣетъ никакой реальности. Это не что иное, какъ мечта ежеминутно изчезающая и возникающая въ людяхъ, или всеобщее сновидѣніе. Какъ въ снахъ минутныхъ представляются вещи на самомъ дѣлѣ и видящій ихъ не думаетъ о томъ, что видитъ пустые образы: такъ и въ постоянномъ сновидѣніи міра никто не хочетъ сознаться, что онъ видитъ призраки,

а не дѣйствительно существующія внѣ человѣка вещи. Вотъ сущность космологіи или, лучше сказать, космогоніи въ духѣ подлежательнаго идеализма. Кто здѣсь не видитъ явнаго во всемъ противорѣчія здравому смыслу и общему сознанію, на которомъ, какъ на краеугольномъ камнѣ, должна основываться всякая Философія? Кто здѣсь не видитъ дерзскаго разрушенія этого міра, котораго бытіе внѣ насъ столь же несомнѣнно, какъ бытіе нашей мыслящей силы?

b) Идеализмъ *предметный*, утонченный Гегелемъ до послѣдней возможности, представляется удовлетворительнѣе для ума и утѣшительнѣе для сердца. Отрадно перейти изъ пустаго и ничтожнаго міра, построеннаго гордымъ *Я*, въ царство свѣта и теплоты Божественной, въ Природу, одушевленную зиждительными идеями Божества. Эти идеи столь дѣйствительны и столь полны жизни, что въ самомъ дѣлѣ нельзя придумать ничего ихъ тверже, для поддержанія бытія и жизни Вселенной. Но должно замѣтить, что какъ въ душѣ человѣческой идеи непосредственно раждаются изъ разума, такъ и въ Духѣ неограниченномъ каждая мысль нераздѣльна отъ Его Разума. Какимъ же образомъ идеи, нераз-

дѣльныя отъ Разума Божественнаго могутъ быть внутреннымъ началомъ Природы? Какимъ образомъ Божество можетъ быть сущностью міра? Здравый умъ соглашается на то, что Богъ, по своему произволенію, можетъ открывать въ явленіяхъ Природы и дѣйствительно открываетъ себя въ нихъ существамъ разумныхъ. Но чтобы Природа была, такъ сказать, организмомъ Разума и слѣдственно всего существа Божественнаго, такъ думать нѣтъ ни малѣйшихъ основаній. Это значило бы видѣть во всѣхъ, окружающихъ насъ предметахъ, Бога невидимаго и признавать бытіе Его нераздѣльнымъ отъ Природы. Какъ ни обыкновенъ пантеизмъ въ древнихъ и новѣйшихъ школахъ, при всемъ томъ нельзя одобрять его и даже не поставлять между важнѣйшими заблужденіями разума человѣческаго. Возвышая Природу до Божественности, онъ унижаетъ существо Верховное до бездушныхъ твореній. Обращая въ предметъ особеннаго почитанія всякаго рода вещи, онъ отвлекаетъ людей отъ истиннаго поклоненія Богу. Посмотрите на Индѣйца, который обожаетъ душу Брамы, раздробленную по всѣмъ созданіямъ міра. Его привязанность къ безсловеснымъ неограниченна; его уваженіе къ насѣкомымъ простирается до пожертвованія въ пищу

имъ своего тѣла. Но дѣлясь чувствами своего сердца со всѣми предметами, въ которыхъ ощутительнѣе признаки жизни, тотъ же Индѣецъ не можетъ возвышаться надъ чувственною Природою, чтобы въ набожномъ размышленіи исповѣдать Разумнаго Духа отъ нея независимымъ и неограниченнымъ никакими предѣлами.

Впрочемъ мы еще обратимся къ этому предмету, при разсматриваніи системы *абсолютнаго тожества*; а теперь должны рѣшить вопросъ другаго рода: нельзя ли представлять идей Верховнаго Разума существующими не только въ Немъ, но и внѣ Его? — Платонъ, прежде всѣхъ положившій идеи въ основаніе всякаго бытія и мышленія, утверждалъ, что онѣ дѣйствительно существуютъ внѣ ума Божественаго. Только, какъ должно принимать это существованіе? Напрасно стали бы мы съ Ново-платониками воображать первообразы вещей чѣмъ-то самостоятельнымъ: подъ этимъ условіемъ надлежало бы ихъ назвать существами, изъ коихъ каждое было бы не что иное, какъ твореніе Божіе. Самъ Платонъ рѣшаетъ вопросъ нашъ въ *VI книгѣ Республики* со всею отчетливостію. Онъ сравниваетъ Божество съ солнцемъ, относительно котораго идеи суть какъ бы лучи,

и продолжаетъ разсуждать такъ: »Солнце »не только дѣлаетъ видимыми вещи, но и »животворитъ ихъ, возращаетъ, питаетъ, »не раждаясь само изъ нихъ. Такъ и Вер- »ховное Благо дѣлаетъ вещи не только по- »знаваемыми, но и сущими, хотя не со- »ставляетъ сущности сотворенныхъ пред- »метовъ.« Отсюда слѣдуетъ, что идеи Божественныя, принимать ли ихъ первообразами вещей, или вообще мыслями о мірѣ, имѣютъ предметное значеніе, по силѣ того вліянія, какое производится чрезъ нихъ на вещи, а не по особенности ихъ существа отъ существа, принадлежащаго Богу. Итакъ, при всей предметной дѣйствительности идей Божественныхъ, признавать ихъ внутреннимъ началомъ бытія и жизни Вселенной значило бы вмѣстѣ съ ними облекать Верховный Разумъ въ безконечно-разнообразныя формы явленій и въ предметахъ чувственныхъ непосредственно осязать и видѣть того, Кто чуждъ всего чувственнаго.

Натуральная Философія Фридриха-Вильгельма-Іосифа Шеллинга, произведшая столь много движенія въ ученомъ мірѣ, заключается въ *системѣ абсолютнаго тожества.* Основныя мысли этой системы суть слѣдующія: »Богъ есть абсолютная, вѣч-

пая, единая, все наполняющая и все объемлющая сущность, которая сама въ себѣ составляетъ полное безразличіе подлежательнаго и предметнаго. Почему, какъ міръ духовный, такъ и тѣлесный развиваются изъ нея, какъ изъ своего начала. Каждая отдѣльная вещь и каждое лицо суть только формы бытія абсолютнаго тожества, а не самое бытіе его. Въ нихъ проявляется одна и таже сущность съ тѣмъ только различіемъ, что въ мірѣ духовномъ перевѣсъ ея оказывается на сторонѣ идеальнаго, а въ мірѣ физическомъ на сторонѣ реальнаго. « Это новѣйшее ученіе о сущности Природы весьма не ново по своему происхожденію. Въ первый разъ оно явилось еще у Элеатовъ, не постигавшихъ, какимъ образомъ можетъ существовать множественность вещей; потомъ развиваемо было Плотиномъ, знаменитѣйшимъ изъ Философовъ Александрійской школы; послѣ глубокаго мрака невѣжества, мелькнуло снова въ Іорданѣ Бруно и, казалось, подверглось одной съ нимъ участи на кострѣ: но геніальный Еврей Спиноза возобновилъ его, и наконецъ Шеллингъ преобразовалъ такъ успѣшно, что послѣдователи этого знаменитаго Философа сдѣлали приложеніе изъ усвоенныхъ началъ своего профессора не только къ Естествен-

нымъ, но и къ Богословскимъ наукамъ (*). Мы должны разсмотрѣть основанія натуральной Философіи Шеллинга тѣмъ безпристрастнѣе и внимательнѣе, что сѣмена ея не чужды и нашей родной земли Русской.

Надобно согласиться, что *система абсолютнаго тожества* имѣетъ нѣкоторыя блистательныя качества и превосходитъ ими многія другія системы, но несовершенства ея весьма ощутительны для каждаго, понимающаго этотъ предметъ и безпристрастнаго критика.

1) Какимъ образомъ Шеллингъ получилъ понятіе объ абсолютномъ? По его мнѣнію, какъ говоритъ Шульцъ (**), » эту основу вещей можно внутренно созерцать посредствомъ разума, стоитъ только употребить нужное для сего напряженіе. Но если разсмотрѣть условія, при какихъ первоначально возникаетъ въ человѣкѣ познаніе, какого бы то рода ни было, — тотчасъ найдешь яснымъ, что Шеллинговское созерцаніе абсолютнаго есть чистая невозможность. Ибо это созерцаніе, по его утвер-

---

(*) Къ числу первыхъ принадлежатъ *Окенъ* и *Д. Велланскій* къ числу послѣднихъ *Шлегель-махеръ*, *Миренике*, *Газе* и другіе.

(**) *Психологическая Антропологія* Готтлоба Шульца. Перев. Свящ. Ѳедора *Сидонскаго*.

жденію, должно составлять вмѣстѣ и познаніе абсолютнаго (иначе. оно не могло бы назваться ни воззрѣніемъ, ни усмотрѣніемъ); между тѣмъ всякое познаніе, о чемъ бы то ни было, требуетъ сознанія нашего Я, въ рязличіи его отъ предмета познаваемаго, хотя это сознаніе можетъ быть иногда и слабо. Такимъ образомъ никакой человѣкъ не можетъ дойти до того, чтобъ содѣлаться созерцаніемъ абсолютнаго безъ всякаго сознанія своего Я, въ его отличіи еще отъ абсолютнаго, и слѣд. достичь до внутренняго усмотрѣнія того, съ чѣмъ самое его Я должно слиться въ одно. — Если же бы кто вздумалъ утверждать, что онъ въ созерцаніи абсолютнаго простерся такъ далеко, что во время этого созерцанія у него устранень былъ всякой слѣдъ сознанія собственнаго Я, отличнаго еще отъ абсолютнаго, и что онъ зрѣлъ только чистое единство, или чистое тожество идеальнаго и реальнаго: мы можемъ поставить на видъ, что по естественному устроенію человѣческой природы, для него должно всегда оставаться невозможнымъ дѣломъ знать что-либо о семъ состояніи, какъ оно кончилось, ибо воспоминаніемъ мы можемъ вызывать только то, что вошло прежде въ объемъ нашего человѣческаго сознанія. »

2) Возможно ли представлять, чтобы абсолютная, вѣчная и свободная въ природѣ своей сущность міра по физической необходимости проявлялась въ недѣлимыхъ, ограничивалась пространствомъ и временемъ, принимала всякаго рода видоизмѣненія? И какъ послѣ этого называть ее совершеннымъ безразличіемъ мышленія и бытія, идеальнаго и реальнаго? Такое безразличіе въ абсолютномъ подлежательнаго и предметнаго можно было бы предположить лишь тогда, когда бы оно не только, по причинѣ своихъ матеріальныхъ измѣненій, не ограничивалось, какъ существо конечное, но и не даровало бытія тварямъ.

3) Ученіе Шеллинга о Природѣ очевидно есть ученіе пантеистическое. Разсматривая взглядъ идеалистовъ на міръ, мы уже замѣтили, что пантеизмъ составляетъ одно изъ важнѣйшихъ заблужденій разума человѣческаго. Эту мысль вполнѣ подтверждаетъ *система абсолютнаго тожества.* Признавая во всемъ обнаруженіе всеобщей и единой жизни, она отвергаетъ въ существахъ разумныхъ и личность и усовершимость нравственную или умственную, — эти основы, на которыхъ держится весь индивидуальный бытъ нашъ, все превосходство наше предъ безсловесными, все сча-

стіе и блаженство. Удивительное самоотверженіе! Къ счастію, сознаніе личности въ душѣ нашей напечатлѣно такъ глубоко, что никакія убѣжденія не могутъ его изгладить. Тожество нашего Я при всѣхъ разнообразныхъ явленіяхъ психическихъ; отношеніе къ другимъ подобнымъ намъ существамъ, поставляющее насъ къ нимъ въ обязанности, или дающее права; нравственный законъ, который осуждаетъ или оправдываетъ наши не только дѣла, но и тайныя мысли, — все, все доказываетъ, что *мы* имѣемъ душу, а не душа *насъ*. Касательно же усовершимости нравственной или умственной еще менѣе можно сомнѣваться, потому что Исторія подтверждаетъ эту истину безчисленными примѣрами, которыхъ нельзя ни отвергнуть, ни объяснить изъ абсолютнаго.

Итакъ если ни совершенное отверженіе внутренняго начала бытія и жизни въ Природѣ, ни признаніе его въ идеяхъ Божественныхъ и въ абсолютномъ, не согласны съ здравою Философіею, — какое остается принять намъ начало для основы на немъ видимыхъ явленій? Очевидно, не внѣ Природы или абсолютно существующее, но въ сокровенномъ отъ насъ ея лонѣ. Въ этомъ мнѣніи предшествовали намъ

Кантъ, Боннетъ и другіе мыслители, которые держались золотой средины между матеріализмомъ и пантеизмомъ. Этому взгляду на Вселенную есть твердое основаніе и въ опытномъ бытіи окружающихъ предметовъ и въ жизни, которая всюду разлилась. Ибо какъ то, такъ и другая свойственны только существамъ ограниченнымъ по природѣ своей. Одна уже матеріальность міра, которая составляетъ неотъемлемую принадлежность вещей, заставляетъ предполагать въ сущности его совсѣмъ иныя качества, нежели какія усвояются ей послѣдователями новѣйшей натуральной Философіи. Но тоже самое подтверждаютъ на каждомъ шагу многоразличныя явленія жизни. Движеніе, растительность, инстинктъ — все это, выражающееся въ безконечно-разнообразныхъ формахъ, ежеминутно и при небольшой наблюдательности удостовѣряетъ насъ, что видимая нами Вселенная есть обнаруженіе чего-то невидимаго и, такъ сказать, заключеннаго въ веществѣ. Разрушеніе, которое мы видимъ около себя такъ часто, не есть раздѣленіе матеріи отъ животворнаго начала, ее проникающаго, но только перемѣна одного образа бытія вещей на другой. Во взаимной борьбѣ силъ Природы, одинѣ берутъ перевѣсъ надъ дру-

гими, и отсюда обыкновенно происходитъ какъ бы нѣкоторое разстройство въ мірѣ; но всѣ силы, какъ явленія, сами себя не изъясняющія, необходимо предполагаютъ внутреннее, сокровенное начало бытія и дѣятельности, которое вмѣстѣ составляетъ и сущность міра.

ГЛАВА II.

Объ условіяхъ, подъ которыми существуетъ внутреннее начало Природы.

Причины, по которымъ обращается на этотъ предметъ исключительное вниманіе. — Части разсужденія. — Единство. — Тожество и неизмѣняемость. — Всеобщность. — Безличность.

Теперь, когда мы положили въ основаніе всѣхъ физическихъ явленій нѣчто сокровенное отъ чувствъ нашихъ; когда мы допустили въ видимомъ мірѣ невидимую сущность ему свойственную, сами собою раждаются вопросы: въ чемъ состоитъ эта сущность Природы? Вещественна она или невещественна? Въ томъ и другомъ случаѣ, какія принадлежности ея, какія качества и совершенства? Какимъ образомъ изъ ней можетъ развиваться разнообразный міръ явленій, совершающихся въ очахъ нашихъ? Все это такіе вопросы, которыхъ не можетъ не предложить себѣ пытливый разумъ Философа; но чтобы разрѣшить ихъ сколь-

ко нибудь основательно, онъ долженъ встать вић условій пространства и времени, отрѣшиться отъ всѣхъ формъ чувственнаго бытія и сущностью своего духа, таинственною для нашего разумѣнія, обнять невѣдомое существо вещей. Какъ невозможно такое познаніе Природы для человѣка въ настоящемъ его состояніи, такъ равно невозможно и то, чтобы посредствомъ вѣрныхъ, основанныхъ на непререкаемыхъ свидѣтельствахъ опыта, умозаключеніяхъ удовлетворялось по крайней мѣрѣ частію его любопытство. Безспорно, есть мыслители, которые изъ благородной ревности къ успѣхамъ науки, даютъ рѣшенія на всѣ метафизическіе вопросы о Природѣ, зато ихъ ипотезы, часто блестящія и увлекательныя, подобнозданіямъ утвержденнымъ на пескѣ, падаютъ отъ одного дуновенія простаго смысла человѣческаго, производя въ однихъ смѣхъ, въ другихъ сожалѣніе. Живыя доказательства этому близки къ намъ и по времени и по мѣсту. Двое изъ нашихъ Физиковъ, пользующихся всеобщею извѣстностію въ ученомъ мірѣ, дали въ своихъ системахъ самую значительную роль свѣту и тяжести. И поелику эти силы, разсматриваемыя какъ явленія, предполагаютъ въ себѣ высшее, умозрительное начало, то

одинъ изъ нихъ, сообразно съ системою абсолютнаго тожества признаетъ свѣтъ проявленіемъ абсолютной сущности въ идеальномъ, а тяжесть проявленіемъ той же сущности въ реальномъ. Такимъ образомъ, по его мнѣнію, идеальное и реальное составляютъ, такъ сказать, два полюда всеобщаго бытія, но еще не составляютъ полнаго безразличія всего бытнаго, какъ то необходимо по систетѣ тожества. Въ чемъ же состоитъ это безразличіе? Будемъ говорить словами ученаго соотечественника нашего, согласнаго здѣсь вполнѣ съ Океномъ: » Свѣтъ, какъ вѣчность во времени, и тяжесть, какъ безпредѣльное въ пространствѣ, заключаются въ эопрѣ, представляющемъ единое начало вѣчности и безпредѣльности. Эопръ есть общій субстратъ дѣйствія и бытія, производящій свѣтъ и существо, хотя по себѣ не составляетъ ни того ни другаго: подобно какъ ариѳметическій нуль и геометрическая точка, будучи положеніемъ всѣхъ чиселъ и и фигуръ, не содержатъ въ себѣ никакого числа и никакой фигуры. Въ семъ смыслѣ эопръ есть физическое ничто (Zero), изъ котораго произошелъ видимый міръ. « Другой мыслитель нашъ, не раздѣляя философскихъ мнѣній перваго, не такъ далеко простерся въ умозаключеніяхъ своихъ, и какъ

Физикъ безъ сомнѣнія имѣлъ полное право остановиться на первомъ шагу въ область метафизики, оставивъ непонятное для размышленій Философа. Онъ предположилъ, что свѣтъ самъ въ себѣ или въ невещественномъ значеніи своемъ есть сила расширительная, а тяжесть сила сжимательная, и обобщивъ ту и другую, призналь сущностію вещества, изъ которой развивается, по его мнѣнію, вся совокупность феноменовъ. — Какъ бы то ни было, только оба Физики-Философы дають Природѣ въ самой себѣ идеальное знаменованіе. Но идея можетъ ли быть привязана къ чему либо матеріальному? Она существуетъ или въ Божественномъ или въ человѣческомъ разумѣ; посему идеальнымъ не только не изъясняется сущность Природы, но даже все вещественное логически превращается или въ Божественное существо, или въ мечту человѣческаго ума. Такъ если эоиръ есть ничто (Zero) физическое и вмѣстѣ все идеальное, т. е. поколику вся совокупность вещей въ немъ получаетъ свое бытіе; если этотъ идеальный эоиръ нераздѣленъ отъ того, что̀ послѣдователи новѣйшей Философіи называютъ абсолютною сущностью Природы; то вся видимая нами Вселенная превращается, вопреки

здравому смыслу, въ организмъ существа неограниченнаго и возвышается до Божественности. Еслиже эопръ, или свѣтъ и тяжесть составляютъ сами въ себѣ чистую возможность, какъ идея разума человѣческаго; въ такомъ случаѣ, что значатъ всѣ вещи развивающіяся изъ нихъ, какъ не плодъ нашихъ представленій? Итакъ подобныя попытки ума проникнуть въ сущность Природы ничего не доказываютъ, кромѣ слабости силъ человѣческихъ. Тоже самое должно сказать и тѣмъ, которые хотятъ положить въ основаніе видимаго міра начало духовное. Ибо, какимъ образомъ изъ духа могла развиться матерія, которой существованіе не подлежитъ никакому сомнѣнію? Нѣтъ сомнѣнія, что ставить въ совершенную противуположность вещественное духовному никогда не должно, но съ другой стороны можноли не почитать ихъ совершенно различными одно отъ другаго? Безспорно и то, что чувствованіе и нѣкотораго рода смышленость животныхъ удовлетворительно не изъясняются изъ законовъ физическихъ; по посилку эти феномены Природы нельзя представлять различными отъ матеріи и какъ бы принадлежащими нѣкоторому лицу; то мы не должны предполагать въ нихъ дру-

гаго начала, нежели какое должно быть усвоено веществу, а вещество, съ своимъ физическимъ, механическимъ и органическимъ процессомъ ведетъ ли какимъ нибудь образомъ къ мысли о духѣ? Нѣтъ, эта мысль родилась не въ слѣдствіе наблюденій надъ міромъ физическимъ, но въ слѣдствіе произвольныхъ умствованій, по которымъ понятіе духа, вдохнутаго въ насъ самимъ Богомъ, распространено на жизнь физіологическую, какъ ближайшую къ дыханію Божію въ насъ, хотя имѣющую различное отъ него происхожденіе, одинаковое съ душами животныхъ. Вообще предположивъ духовное начало въ Природѣ, мы столь же мало постигли бы сущность ея, какъ мало постигаютъ ее матеріалисты или идеалисты. Это святилище истины сокрыто отъ слабыхъ очей ума человѣческаго, и мы напрасно съ дерзостію стараемся проникнуть въ него. Не лучше ли намъ остановиться на рубежѣ, за которымъ слабый свѣтъ разума долженъ бороться съ непроницаемымъ мракомъ таинственности и ежеминутно подвергаться заблужденіямъ? Не лучше ли намъ обратиться къ изслѣдованію того, что не превышаетъ умственныхъ силъ человѣческихъ и вмѣстѣ способствуетъ къ развитію въ душахъ нашихъ

и поддержанію религіозныхъ убѣжденій? Истинная Философія Природы не теряетъ ничего, если исключить изъ нея тѣ вопросы, которые превышаютъ человѣческія силы, но пріобрѣтаетъ очень много. Не устремляя своего взгляда въ туманныя области метафизики, она яснѣе можетъ разсмотрѣть и взвѣсить истины необходимыя и ближайшія къ намъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ предотвратить въ умахъ то гордое тщеславіе, съ которымъ они, ничего основательно не зная, готовы на все дать рѣшеніе. По крайней мѣрѣ эти причины заставляютъ насъ обратиться къ изслѣдованію сокровеннаго начала Природы не въ сущности его, но въ условіяхъ бытія болѣе необходимыхъ и близкихъ къ уразумѣнію.

Нѣкоторыя изъ такихъ условій не имѣютъ никакой нужды въ доказательствахъ, какъ-то: ограниченность и зависимость міра по самому существу своему. Ибо ни одна вещь, изъ которыхъ состоитъ Вселенная, видимая нами, не представляетъ глазамъ нашимъ примѣра неограниченности или независимости, а каждая вещь есть частная форма или обнаруженіе сущности Природы. Другія условія подъ, которыми существуетъ начало, допускаемое нами

въ мірѣ, требуютъ немалыхъ размышленій и по необходимости завлекаютъ вниманіе не на короткое время. Сюда по праву могутъ относиться: 1) единство, 2) тожество и неизмѣняемость, 3) всеобщность и 4) безличность внутренняго начала Природы.

1.) Единство, если можно сказать, саможитнаго начала Природы съ перваго взгляда представляется весьма загадочнымъ. По онтологическому положенію схоластиковъ, не потерявшему еще всей силы до нашего времени, каждое существо въ мірѣ имѣетъ свою субстанцію. И опытъ, по видимому, ручается за достовѣрность этого мнѣнія. Стоитъ только взглянуть на міръ, чтобы видѣть какъ вещи между собою различны, и какъ силы каждой изъ нихъ поддерживаютъ свое недѣлимое бытіе посредствомъ борепія съ силами другихъ вещей. А это многообразіе и недѣлимость вещей не заставляютъ ли предполагать множество разнородныхъ субстанцій въ Природѣ, которыя у Лейбница называются монадами?

Но индивидуальность въ Природѣ чувственной, когда дѣло идетъ о сущности ея, не можетъ имѣть никакого мѣста. Допустивъ ее, надлежало бы согласиться, что

каждая сила дѣйствуетъ самостоятельно, и сама собою защищаетъ свою независимость отъ другихъ силъ. Отсюда можно-ли бы ожидать этого поразительнаго, возвышающаго духъ нашъ, порядка и этой стройности въ явленіяхъ Природы? Можно-ли бы думать о соразмѣрности на землѣ между разрушеніемъ тѣлъ и возникновеніемъ жизни? Безначаліе ни въ царствѣ политическомъ, ни въ царствѣ нравственномъ не можетъ сопровождаться благоустройствомъ; тѣмъ болѣе оно влекло бы за собою разстройство въ царствѣ физическомъ, гдѣ столь огромная масса вещества и разрушительныя силы дѣятелей требуютъ власти надъ собою самой крѣпкой и самой могущественной. Положимъ, что сила расширительная взяла бы верхъ надъ сжимательною: тогда бы всѣ тѣла разрѣшились на свои элементы и восхитительное зрѣлище Вселенной превратилось бы въ безобразный хаосъ, порождающій однимъ именемъ своимъ ужасъ. Съ другой стороны, если бы сила сжимательная подчинила себѣ расширительную, тогда бы все превратилось въ одну массу вещества, и жизнь, которая выражается теперь въ безконечно разнообразныхъ явленіяхъ Природы, была бы опять совершенно невозмо-

жна. Итакъ откуда сталъ чудный порядокъ въ мірѣ при всемъ боренія силъ его между собою, и что значитъ эта борьба въ немъ? Безъ сомнѣнія должно предположить во всѣхъ физическихъ силахъ одну сущность или одно начало, допустивъ въ тоже время, что какъ силы въ общей сущности своей приходятъ въ единство и согласіе между собою, такъ сущность выражаетъ и развиваетъ себя посредствомъ взаимнаго дѣйствія и воздѣйствія силъ. Для изъясненія этой мысли весьма способствуетъ аналогія, взятая отъ душевныхъ способностей человѣка. Вникая въ нихъ, мы находимъ нужнымъ различать разумъ отъ свободы, и не смѣшиваемъ силу чувствованія съ силою познавательною или желательною. Почему? потому, что психическія явленія, какъ и физическія не только между собою несходны, но даже часто совершенно противоположны? Такъ разумъ находится въ безпрерывной борьбѣ съ свободою, которая, будучи увлекаема чувственными вожделеніями не хочетъ согласоваться съ нимъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Подобнымъ образомъ совѣсть, при начатіи или совершеніи дѣйствій свободныхъ, часто укоряетъ разсудокъ за невѣрный выборъ, а волю за суетную рѣшительность. По

при всемъ томъ никто не станетъ утверждать, что духъ человѣческій состоитъ изъ двухъ началъ (субстанцій). Напротивъ одна и таже по существу своему душа и мыслитъ, и желаетъ и нравственно чувствуетъ. Если же такъ соединяются и приходятъ въ единство въ своей сущности силы духовныя, часто противодѣйствующія одна другой; то и физическія силы, не смотря на взаимную борьбу, конечно могутъ имѣть одну всеобщую сущность. Впрочемъ, чтобы аналогія наша имѣла болѣе силы, мы попытаемся для своей цѣли воспользоваться опытными изслѣдованіями Физиковъ, изучавшихъ Природу посредствомъ долговременныхъ наблюденій. Въ наше время никто не станетъ спорить въ томъ, что жизнь планетная возникаетъ и поддерживается отъ магнитизма, электричества и галванизма! Разногласіе касается только того, какъ должно понимать существо этихъ дѣятелей? Но и здѣсь большая часть естествонаблюдателей соглашается, что галванизмъ есть сочетаніе магнитизма и электричества, что магнитизмъ составляетъ частное обнаруженіе тяжести, и наконецъ, что электричество есть видоизмѣненіе теплоты. И такъ тяжесть и теплота, (по мнѣнію другихъ, свѣтъ) суть двѣ

первоначальныя силы Природы, которыхъ дѣятельность обнаруживается какъ въ поддержаніи міроваго бытія, такъ и въ организованіи недѣлимыхъ, населяющихъ нашу планету. Что жъ такое тяжесть и теплота? Составляютъ ли онѣ двѣ по существу различныя силы, или суть только противоположныя обнаруженія одной сущности Природы, которыя въ ней самой совершенно безразличны? Въ первомъ случаѣ допускается въ мірѣ дуализмъ, противорѣчущій идеѣ безусловнаго единства, котораго ищетъ во всемъ нашъ разумъ; во второмъ предполагается одно начало, которое, развѣтвясь въ проявленіяхъ своихъ на многія силы, образуетъ, посредствомъ взаимнаго ихъ дѣйствія и воздѣйствія, всю совокупность вещей и составляетъ душу гармоніи, такъ чудно и такъ великолѣпно поражающей всякаго созерцателя Природы. Очевидно, что такое единство сущности Природы, не противорѣчитъ опыту, въ полной мѣрѣ согласуется съ разумомъ.

2.) При единствѣ внутренняго начала въ мірѣ мы должны согласиться, что оно тожественно или всегда равно самому себѣ. Хотя опытъ намъ ничего не открываетъ неизмѣняемаго, существующаго безъ всякаго совокупленія и раздѣленія частей;

но при всемъ томъ основное начало физическихъ измѣненій не можетъ ни прибавляться, ни убывать въ самомъ себѣ. Иначе оно не было бы началомъ всѣхъ матеріальныхъ измѣненій, и, подобно имъ, снова заставляло бы предполагать въ существѣ своемъ нѣчто постоянное и т. д. Это не случайность, что разумъ не можетъ остановиться на чемъ либо преходящемъ, которое то является, то изчезаетъ. Чѣмъ доказать намъ бытіе міра, если основа вещей не тверда, не самостоятельна, лишена тожества? Чѣмъ подтвердить постоянство міровыхъ законовъ, если въ Природѣ, съ которой взято объ нихъ понятіе, нѣтъ ничего постояннаго и одинаково существующаго? Кромѣ того, ни прибавлять чтолибо къ началу вещей, ни отрѣшать отъ него вовсе нѣтъ никакого предлога. Если бы что нибудь присовокупилось новое къ сущности вещей, то, сверхъ противорѣчія идеѣ, которую мы имѣемъ о ней, надлежало бы допустить въ мірѣ явленій много такихъ особенностей, которыя прежде вовсе не существовали, и не могли существовать, а этого никто доказать не въ состояніи. Если бы же міръ лишился чего нибудь въ существѣ своемъ, то подобное лишеніе сопровождалось бы недостаткомъ фи-

зическихъ событій, которыя чрезъ многократное повтореніе уже дали основательно замѣтить, что они совершаются по закону постоянства. Да и что можетъ измѣнить основное начало всего видимаго царства Природы? Что, кромѣ всемогущей Творческой Воли, можетъ имѣть на него вліяніе? Не имѣя въ самомъ себѣ послѣдняго и достаточнаго основанія бытія, міръ, безъ сомнѣнія, разрушился бы, если бы хотя на минуту оставленъ былъ самому себѣ; но это еще не доказываетъ, что сущность его нетожественна, измѣняема. Разрушеніе, вообще принимаемое, есть только смѣна формъ или переходъ внутренняго начала Природы изъ одного состоянія въ другое. Посему, то, что лежитъ въ основаніи всѣхъ формъ, будучи чуждо само въ себѣ всякой формы, всегда равно себѣ, всегда тожественно. Какъ основаніе бытія и жизни въ Природѣ условно самобытное, оно можетъ быть и не быть, но если существуетъ, уже не можетъ подлежать никакимъ измѣненіямъ.

3) Изъ единства и тожества внутренняго начала Природы сама собою вытекаетъ его всеобщность. Она бываетъ или а) *количественная*, простирающаяся на всю систему мірозданія, какъ на составъ безчисленныхъ и разнообразныхъ частей

одного цѣлаго, или b) *качественная*, относящаяся къ органической жизни существъ, изъ которыхъ состоитъ видимый міръ.

a) *Количественная* всеобщность основнаго начала Природы подтверждается какъ чуднымъ механизмомъ міровъ насъ окружающихъ, такъ и взаимнымъ отношеніемъ ихъ. Извѣстно, что въ составѣ мірозданія существуетъ не одна наша солнечная система: это часть Вселенной, и, можетъ быть, весьма малая. Но при всей необъятности небесъ, движенія тѣлъ небесныхъ мы не можемъ иначе себѣ представить, какъ самымъ правильнымъ и сообразнымъ съ вѣчными законами Премудраго Художника. Хотя наблюденія надъ отдаленными отъ насъ системами мірозданія не могутъ, по причинѣ безмѣрнаго ихъ разстоянія отъ земли, представить намъ ничего въ доказательство правильности всего механизма небеснаго, не смотря на то, частію аналогія нашей солнечной системы, а особенно разсматриваніе Вселенной какъ одного цѣлаго, доводятъ принятую нами мысль до несомнѣнности. Ибо если всѣ частныя тѣла на землѣ, потомъ вся земля, всѣ планеты, вращающіяся около солнца и наконецъ самое солнце совершаютъ свои движенія по извѣстнымъ механическимъ законамъ, —

то почему не предположить, что и прочія міровыя системы движутся на основаніи тѣхъ же законовъ? Тѣмъ болѣе, что представлять Природу разобщенною въ своихъ частяхъ было бы весьма странно. А если она составляетъ стройное и гармоническое цѣлое, въ которомъ ни одна часть, при малѣйшемъ безпорядкѣ другихъ, не можетъ оставаться въ нормальномъ своемъ положеніи: то каждая планета, и слѣдов. еще болѣе цѣлая солнечная система, движущаяся по одинаковымъ и постояннымъ законамъ, можетъ доказывать правильность механизма Вселенной. Но всеобщность законовъ механическихъ въ Природѣ не служитъ ли доказательствомъ всеобщности внутренняго начала ея? Единство и гармонія въ движеніи разнообразныхъ и несмѣтныхъ частей Вселенной не подтверждаютъ ли того, что всѣ онѣ, не смотря на различное образованіе и назначеніе, развиваются изъ одного общаго начала, подобно какъ части всякаго организма физическаго, не смотря на различныя ихъ отправленія, развиваются изъ одного начала жизни? Скажемъ общѣе: расширительная и сжимательная силы, по мнѣнію всѣхъ Физиковъ, міровыя или всеобщія не заставляютъ ли думать, что и сущность ихъ также всеобща? Но крайней

мѣрѣ заключеніе отъ всеобщности силъ и законовъ ихъ къ всеобщности начала, изъ котораго тѣ и другіе развиваются, всегда будетъ заключеніемъ строго логическимъ.

b) *Качественная* всеобщность внутренняго начала Природы или всеобщность въ жизни также не подлежитъ сомнѣнію. Изъ предыдущихъ словъ легко видѣть, что жизнь не есть собственность одной нашей планеты; ибо начало ея, подъ какими бы формами оно ни выражалось, составляетъ основу всей видимой Природы. И какъ мы доказали, что это начало одно, то жизнь вообще не должна составлять индивидуальной принадлежности или исключительной собственности вещей въ мірѣ. Правда, между жизнью растеній, насѣкомыхъ, рыбъ, птицъ и звѣрей нельзя не примѣчать значительнѣйшихъ особенностей; но эти особенности не таковы, чтобы ихъ не возможно было изъяснить, допустивъ всеобщее начало жизни во всѣхъ царствахъ Природы. Съ постепеннымъ развитіемъ организма, отъ ископаемыхъ до животныхъ, естественно и жизнь развивается все болѣе и болѣе. Переходъ ея отъ одного царства одушевленныхъ или органическихъ существъ къ другому такъ естественъ, что нѣтъ никакой причины подозрѣвать въ мірѣ двухъ

пачалъ жизни. Полипъ, летучая рыба, орнипторнихъ, обезьяна, — ато такіе обитатели нашей планеты, въ которыхъ многообразная жизнь различныхъ царствъ Природы соединяется въ одну нить, связующую органическими законами всю землю, или въ одну животворную струю, протекающую чрезъ всѣ классы недѣлимыхъ. Посему справедливо замѣтилъ еще Лейбницъ, что въ Природѣ нѣтъ смерти. Это чудовище фантазіи, устрашающее боязливыхъ, могло бы дѣйствительно существовать только тогда, когда бы всякое недѣлимое имѣло свою жизнь, и слѣд. теряло ее чрезъ разрушеніе организма. Но что терять какому-либо существу, когда жизнь его принадлежитъ не ему исключительно, а всей Природѣ? Съ другой стороны, при всеобщности жизни открывается вся несообразность мнѣнія тѣхъ, которые съ Бонетомъ хотятъ усвоить животнымъ индивидуальное существованіе, по самомъ разрушеніи физическаго ихъ состава. Будучи органами обнаруженія всеобщей жизни, они безъ всякаго сомнѣнія обращаются въ нее, когда теряютъ свои органы. Привязанность къ жизни не должна быть относима къ животнымъ, какъ недѣлимымъ, но вообще къ инстинкту Природы, который не пред-

полагаетъ ни произвола, ни способности цѣнить жизнь.

4) Теперь не трудно понять, почему всеобщая жизнь Природы не можетъ развиваться до сознанія своей личности и до способности усовершенія недѣлимыхъ, какъ существъ разумно-свободныхъ. Понятіе всеобщности рѣшительно противорѣчитъ понятію о личности, по которой извѣстное существо сознаетъ свои собственныя права и обязанности. Надобно или вообще приписать Природѣ, или вообще отвергнуть у ней личность, чтобы въ одно и то же время объ одномъ и томъ же предметѣ не говорить утвердительно и вмѣстѣ отрицательно. Но усвоять всей Природѣ видимой личность значило бы утверждать одну изъ очевидиѣйшихъ нелѣпостей. При томъ къ чему послужитъ можетъ развитіе сознанія о личности изъ всеобщаго начала Природы? Къ тому, чтобы существо сознающее свои права и обязанности обратилось наконецъ опять во всеобщую жизнь? Убійственная мысль! Ужели для того Природа вложила въ духъ человѣческій стремленіе къ безкопечной истинѣ, къ безконечному благу и къ безконечному счастію, чтобы онъ послѣ всѣхъ стараній удовлетворить своимъ высшимъ потребностямъ слился

съ всеобщимъ началомъ жизни? Ужели для того предназначено человѣку постепенно возвышаться въ нравственныхъ совершенствахъ, чтобы наконецъ не только лишиться сознанія о своихъ добрыхъ поступкахъ, но даже вовсе не чувствовать себя существомъ разумносвободнымъ? Нѣтъ; между духомъ и душею, между самосознаніемъ и животною необходимостію существуетъ большой промежутокъ, который неиначе можетъ быть понятъ, какъ чрезъ допущеніе особеннаго, высшаго начала жизни духовной, или отпечатлѣнія въ органической природѣ образа Божія. Итакъ великій Духъ Гегеля, который изъ безличнаго духа въ животныхъ дѣлается личнымъ въ человѣкѣ и потомъ снова обращается чрезъ тѣлесное разрушеніе въ безличный, есть не игра Природы, какъ выражается этотъ Философъ, но игра его собственнаго воображенія.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О ПРИРОДѢ ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ БОГУ.

Разсматривая условія, подъ которыми существуетъ внутреннее начало Природы, мы нашли его относительно самобытнымъ и отвергли въ немъ всякую возможность развитія до нравственно-свободныхъ обнаруженій. Между тѣмъ міръ такъ премудро и прекрасно устроенъ! Не говоря уже о небесахъ, приводящихъ насъ одною безпредѣльностію своею въ изумленіе, не напрягая умственныхъ силъ своихъ для того, чтобы всю систему мірозданія живо и ясно представить въ одномъ цѣломъ, коего части находятся между собою въ самомъ гармоническомъ отношеніи, мы не можемъ надивиться устройству каждаго насѣкомаго, пресмыкающагося по землѣ, и каждой былинки, растущей въ полѣ. Все, что насъ окружаетъ — воздухъ, огонь, вода, все говоритъ объ разумѣ все-

совершеномъ, Который одинъ такъ чудно можетъ соединить средства съ цѣлями и направить самыя маловажныя, по видимому, дѣйствія къ выгодамъ существеннѣйшимъ для цѣлаго человѣчества. Послѣ этого, какъ согласить премудрое устройство и сохраненіе вещей съ рѣшительнымъ отсутствіемъ разума въ основномъ началѣ или сущности Природы? Мы предполагаемъ и постараемся доказать, что міръ сотворенъ и управляется существомъ Безконечно-мудрымъ, которое называется Богомъ. Такимъ образомъ въ настоящее отдѣленіе будетъ входить философское изслѣдованіе I, о сотвореніи міра и II, о Промыслѣ.

ГЛАВА I.

О СОТВОРЕНІИ МІРА.

Понятіе о сотвореніи міра. — Анализъ идеи пространства и времени. — Рѣшеніе вопросовъ о безконечности міра, о пустомъ протяженіи въ немъ и о вѣчной матеріи. — Можно ли допустить преемственность въ сотвореніи міра. — Порядокъ твореній. — Цѣль существъ планетныхъ, разсматриваемыхъ въ недѣлимости. — Цѣль планетъ. — Цѣль существъ разумно-свободныхъ.

Сотвореніе міра есть такое дѣйствіе, чрезъ которое Существо Безконечное и

Вѣчное обнаружило свои совершенства въ пространствѣ и времени. Отсюда становится яснымъ, что пространство и время должны составлять первый предметъ изслѣдованія для всякаго, кто хочетъ имѣть основательныя понятія о происхожденіи тварей.

Этотъ важный предметъ, безъ сомнѣнія, трудно обнять во всей полнотѣ и ясности. Платонъ и Аристотель, Декартъ и Лейбницъ, Кантъ и Фихте, не смотря на заслуженную ими славу въ Философіи, разсуждали о немъ весьма погрѣшительно. По крайней мѣрѣ то достовѣрно, что понятіе о пространствѣ и времени есть понятіе сложное. Въ составъ его входятъ измѣненія, ощущаемыя нами въ мірѣ внѣшнемъ или внутреннемъ, и пресмство вещей или состояній душевныхъ. Но къ этимъ опытнымъ элементамъ присоединяется нѣчто сверхчувственное, имѣющее основаніе свое въ природѣ нашего духа: мы хочемъ сказать о стремленіи къ Безконечному, которое неизгладимо напечатлѣно во глубинѣ нашего существа, и котораго ничто внѣшнее, ограниченное по природѣ своей, не могло сообщить нашимъ духовнымъ силамъ. Отсюда происходитъ то, что разумъ нашъ, не имѣя возможности представить

себѣ Безкопечное, старается приблизиться къ своей цѣли, по крайней мѣрѣ чрезъ неопредѣленное протяженіе, или что тоже, чрезъ отвлеченное пресмство вещей. Съ другой стороны, прилагая такое протяженіе къ вещамъ, какъ онѣ существуютъ, тотъ же разумъ не можетъ дать ему извѣстной опредѣленности; потому что оно заключаетъ въ себѣ элементъ стремленія нашей души къ Безкопечному. Оттого и представляемъ мы себѣ пространство какимъ-то невещественнымъ протяженіемъ во всѣхъ направленіяхъ и, такъ сказать, вмѣстилищемъ чувственныхъ предметовъ, которое по произволу нашей воображительной способности то расширяется или стѣсняется, то обобщается или дробится на части. Подобнымъ же образомъ время, по причинѣ неопредѣленнаго продолженія въ мысли нашей, дѣлается неудобоприложимымъ къ тѣмъ измѣненіямъ, отъ коихъ оно отвлечено, и какъ бы получаетъ нѣкоторую реальность, независимую отъ вещей, подлежащихъ перемѣнамъ. Но въ самомъ дѣлѣ, какъ пространство, такъ и время не могутъ быть названы ни чисто подлежательными, ни совершенно предметными. Чисто подлежательными они не могутъ быть названы потому, что при сло-

вахъ протяженіе и теченіе раждаются сами собою мысли о преемствѣ вещей и извѣстномъ измѣненіи ихъ, — доказательство опытнаго происхожденія пространства и времени. А совершенно предметными они не могутъ быть названы потому, что неопредѣленность, заключающаяся въ нихъ, есть фактъ психическій, котораго основаніе, какъ мы уже сказали, находится въ стремленіи ума нашего представить Безконечное.

При этомъ анализѣ пространства и времени, легко разрѣшаются вопросы: a) о безконечности міра, b) о пустомъ протяженіи въ немъ и c) о вѣчной матеріи. Именно:

a) Если мы не можемъ ограничить въ умѣ своемъ дѣйствительнаго существованія міра никакими предѣлами пространства, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ безконеченъ. Безпредѣльность его, представляемая въ воображеніи, не имѣетъ никакого основанія въ опытѣ; ея происхожденіе есть чисто психическое.

b) Если мы представляемъ себѣ пустое протяженіе въ мірѣ, то оно есть не что иное, какъ ограниченіе неопредѣленнаго пространства, которое существуетъ въ одномъ умѣ нашемъ, парящемъ къ не-

приступному престолу Безконечнаго. Слѣдственно тѣ ошибаются, которые съ Пиѳагоромъ допускаютъ пустоту чѣмъ-то дѣйствительно существующимъ внѣ нашей представительной силы.

с.) Наконецъ, если чувственное представленіе безпредѣльнаго пространства и времени не имѣетъ предметной дѣйствительности, то существованіе вѣчной матеріи есть одно изъ неосновательнѣйшихъ предположеній. И въ самомъ дѣлѣ, воображая матерію вѣчною, мы влагаемъ въ умѣ своемъ вещество, подлежащее измѣненіямъ, въ форму неопредѣленнаго времени. Откуда жъ слѣдуетъ, что это вещество по идеѣ нашего разума о вѣчности существовало до сотворенія Міра? Какіе факты могутъ подтвердить, что тѣ, которые хотятъ допустить какую-то вѣчную матерію, не мечту собственнаго воображенія, облекаютъ въ форму неограниченнаго времени?

Поелику съ твореніемъ міра не должно соединять никакихъ представленій о первоначальной и безкачественной матеріи, какъ думали древніе, то первый актъ его, безъ сомнѣнія, не заключалъ въ себѣ преемственности, которая возможна только въ чемъ-либо существующемъ. Но огра-

ничивать одним актомъ все твореніе, понимаемое въ обширномъ значеніи этого слова, значило бы поставлять безпредѣльную свободу Творца въ зависимости отъ нашей человѣческой воли. Тѣмъ болѣе, что есть основаніе, заставляющее нашъ разумъ предполагать нѣкоторую постепенность въ происхожденіи тварей. Богъ дѣйствуетъ сверхъ-естественными средствами и въ то же время не отвергаетъ естественныхъ силъ Природы къ достиженію тѣхъ или другихъ цѣлей. Этотъ законъ Его премудрости, подтверждаемый Исторіею столь многихъ вѣковъ, по всей вѣроятности, былъ освященъ при самомъ сотвореніи міра. Тогда какъ изъ ничтожества явилась матерія, одушевленная жизнію, безъ сомнѣнія, должны были получить свою силу и естественные законы, хотя безъ творческой воли они не могли ни къ чему служить. Послѣ сего, образованіе вещей силою Всемогущества Божія, не могло быть совершенно чуждымъ дѣятельности естественныхъ силъ вещества, и слѣдовательно не пресмственнымъ.

Опредѣлить, посредствомъ разума, время, которымъ предшествовалъ одинъ актъ творенія другому, нѣтъ никакой возможности: эту тайну открываетъ намъ лишь

одна Священная Исторія, написанная Богодухновеннымъ мужемъ. По крайней мѣрѣ порядокъ, въ какомъ произошли твари, не такъ превышаетъ наше разумѣніе, чтобы приглядываясь къ опыту, мы не могли знать о немъ съ достовѣрностію. Царство животное очевидно не могло существовать ранѣе царства растительнаго, которое поддерживаетъ его жизнь и доставляетъ чувствующимъ твореніямъ свойственныя имъ наслажденія. Растеніе необходимо предполагаетъ свѣжую и сочную почву земли, способную ему сообщать питательность. Земля, въ свою очередь, какъ мѣсто обитанія и неистощимый источникъ продовольствія для безконечно-разнообразныхъ существъ, требовала мудраго раздѣленія и соединенія суши съ водами, морей съ рѣками и озерами. Кромѣ того, она принадлежитъ къ семьѣ планетъ, составляющихъ солнечную систему и обращающихся вокругъ своего общаго центра и начала жизни; слѣдовательно, по приготовленіи на ней всего необходимаго къ поддержанію тварей, которымъ суждено испытать сладость жизни, надлежало по волѣ Божіей явиться солнцу, лунѣ и звѣздамъ. Такимъ образомъ открывается, что прежде всего въ порядкѣ творенія произошла

матерія, проникнутая образовательнымъ началомъ, которое стало развиваться безъ сомнѣнія съ первой минуты своего бытія. Первый плодъ этого развитія долженъ былъ состоять не въ иномъ чемъ, какъ въ механическомъ образованіи земли, совершенно обезпечивающемъ существованіе будущихъ обитателей ея. За тѣмъ, конечно, слѣдовало появленіе органическаго царства Природы, которое, по устройствѣ свѣтилъ небесныхъ и по введеніи нашей планеты въ солнечную систему, могло быть продолжено въ постепенномъ развитіи начала жизни до послѣдней своей возможности, какъ-то замѣчается въ нѣкоторыхъ животныхъ. Наконецъ, послѣ сотворенія животныхъ, оставалось увѣнчать всѣ дѣла свои Существу Премудрому сотвореніемъ человѣка,—этого малаго міра, представляющаго въ организмѣ своемъ полное развитіе жизни животной и носящаго въ духѣ своемъ прозябсніе жизни Богоподобной.

Примѣчаніе. Мнѣніе новѣйшей натуральной Философіи, что человѣкъ развился всѣмъ существомъ своимъ изъ всеобщей жизни Природы и опять обращается въ нее, отвергнуто нами въ концѣ второй главы *перваго Отдѣленія*, какъ неимѣющее никакихъ твердыхъ основаній.

При разсужденіи о цѣли сотворенія міра обыкновенно полагаютъ, что все создано для человѣка, который поставленъ въ видимой Природѣ, какъ царь въ своемъ владѣніи. Но принимать эту мысль не должно безъ всякихъ ограниченій. Нѣтъ нужды говорить о томъ, какъ мнимый властелинъ Вселенной ограниченъ и стѣсненъ со всѣхъ сторонъ своею рабынею. Самое устройство Природы ведетъ насъ къ предположеніямъ, ни мало не благопріятствующимъ надмѣнію человѣческому. Эти свѣтила небесныя, коихъ лучи достигаютъ до насъ вѣроятно не менѣе какъ въ сотни лѣтъ, не смотря на то, что свѣтъ проходитъ 384,000 верстъ въ одну секунду, уже ли для того созданы, чтобы доставлять удовольствіе нашему зрѣнію и разгорячать воображеніе поэта? Эти двойныя звѣзды, удаленныя одна отъ другой не меньшими растояніями, какъ Уранъ отъ нашего Солнца, и безъ сомнѣнія имѣющія свои Меркуріи, Земли, Юпитеры и Сатурны, ужели для того существуютъ, чтобы только проливать тусклый свѣтъ на нашу планету и предостерегать путниковъ отъ совращенія со слѣдовъ человѣческихъ во время глубокой ночи? Нѣтъ, не дерзай гордый умъ подчинять себѣ міры, кото-

рыхъ не можетъ обнять мысль твоя. Смирись, преклонись съ благоговѣніемъ къ землѣ, и здѣсь ты узнаешъ, какъ велико твое владычество. Въ самомъ дѣлѣ, земля даетъ намъ поучительный урокъ о владычествѣ человѣка надъ нею. Станемъ ли мы измѣрять пространство морей? Найдемъ, что ими покрыто болѣе нежели три пятыхъ земной поверхности. Обратимъ ли вниманіе на вѣчные снѣга и льды, на песчаныя степи и безплодныя горы, на болота, рѣки и озера? Опять откроется важная часть земли, почти неприступная для человѣка. Обитаемый имъ участокъ едва ли можетъ превзойти пятую долю всего шара, тогда какъ остальныя части земли наполнены животными, которыя вкушаютъ сладость жизни въ полной независимости. Но поелику міръ есть система взаимныхъ соотношеній между твореніями, такъ что каждое изъ нихъ составляетъ въ общей цѣпи существъ необходимое звѣно, то не въ прямомъ отношеніи дѣйствительно можетъ все сотвореннное служить человѣку на пользу. Что полезно для земли или для живущихъ на ней различнаго рода тварей непосредственно, то для насъ приноситъ пользу посредственную. Не опуская этого изъ виду, мы должны рѣшительно утвердить,

что все причастное жизни создано во первыхъ для того, чтобъ участвовать въ наслажденіи, которое дозволилъ вкушать органическому царству общій Отецъ Вселенной, во-вторыхъ, чтобы исполнить возложенную на каждое твореніе часть обязанности къ поддержанію системы взаимныхъ соотношеній, по которой всѣ семейства живущихъ существъ другъ другу служатъ на благо и пользу. Такимъ образомъ нельзя почитать зломъ, какъ нѣкоторымъ кажется, того, что человѣкъ умерщвляетъ для себя въ пищу животныхъ, и что они взаимно другъ друга терзаютъ. Разсматривая недѣлимыя въ отношеніи къ благу ихъ рода и къ благу прочихъ родовъ, съ которыми они составляютъ одно огромное семейство, мы увидимъ въ каждомъ случаѣ частнаго страданія только средство къ общему благополучію всего живущаго. По естественной привязанности къ жизни своей, мы не можемъ равнодушно смотрѣть на добычу смерти, но въ самомъ дѣлѣ смерть есть не что иное, какъ раздѣленіе жизни одного существа между многими другими имѣющими въ ней нужду для подкрѣпленія силъ своихъ. Червь и муравей, муха и комаръ, соколъ и орелъ, тигръ и левъ, акула и китъ — всѣ въ свое время

чувствуютъ необходимость въ жизни чужой для поддержанія собственной и всѣ въ свою очередь, вкусивъ сладость животнаго бытія, должны частную жизнь положить въ сумму общей. Самъ человѣкъ, какъ существо планетное, долженъ повиноваться этому закону безъ ропота. Справедливость требуетъ прибавить, что плотоядныя племена животныхъ часто бываютъ благотворны для своихъ дряхлѣющихъ собратій. Смерть, которую они причиняютъ послѣднимъ, не такъ страшна, какъ болѣзнь и томительное разрушеніе; ея внѣзапность предупреждаетъ многія страданія. Эта же смерть полагаетъ благодѣтельный предѣлъ чрезмѣрному размноженію органическихъ родовъ, отчего запасъ пищи всегда бываетъ соразмѣренъ потребностямъ и гніеніе труповъ не заражаетъ стихіи смертоноснымъ ядомъ. Благодаря такой предусмотрительности Природы, поверхность земли и морскія бездны кипятъ міріадами веселыхъ и здоровыхъ тварей, которыя въ кратковременное бытіе всегда имѣютъ случай насладиться жизнію и умножить собою общую массу пищи и изобилія.

Если припомнимъ, что начало жизни въ Природѣ одно и равно принадлежитъ

всѣмъ частямъ ея, если представимъ, что всѣ планеты въ системѣ мірозданія суть разныхъ родовъ недѣлимыя, которыя въ общей совокупности составляютъ одну дивную семью, наконецъ если положимъ, что законы для цѣлыхъ планетъ должны существовать тѣ же, какія лежатъ въ частности на ихъ недѣлимыхъ: то ни чуть не покажется страннымъ, когда мы ту же двоякую цѣль, съ которою сотворены недѣлимыя нашей земли, приложимъ къ цѣлымъ планетамъ, находя между ними систему взаимныхъ соотношеній. По замѣчаніямъ Астрономовъ, тщательно наблюдавшихъ небо, множество звѣздъ изчезло изъ пространствъ, которыя онѣ занимали, тогда какъ болѣе 3,000 явилось новыхъ, невиданныхъ вооруженнымъ окомъ. Не значитъ ли это, что одинѣ изъ нихъ испытали сладость жизни и умножали собою массу всеобщаго запаса, а другія изъ суммы жизненнаго избытка родились и совершаютъ подобнымъ образомъ свое предназначеніе? Гершель замѣчаетъ объ Энковой кометѣ, что время полнаго оборота ея съ тѣхъ поръ, какъ она первый разъ (1686 г.) замѣчена наблюдателями, сократилась двумя годами и еще болѣе продолжаетъ сокращаться. Причину этого ускорительнаго обращенія

кометы знаменитый Астрономъ полагаетъ въ эопрной жидкости, стѣсняющей напоромъ своимъ орбиты всѣхъ тѣлъ, которыя обращаются около солнца. Всѣ планеты, хотя совершенно непримѣтно, тратятъ отъ сопротивленія эопра часть своей быстроты и приближаются къ общему центру. Когда совершится это приближеніе, для насъ непостижимо; но то достовѣрно, что и Меркурій и Венера и Земля и всѣ планеты одна за другою повергнутся въ Солнце; изъ ихъ разрушеннаго огнемъ состава, по общему закону органической Природы, вновь разовьются планеты и будетъ новое небо и новая земля. Въ самомъ шарѣ пашемъ, къ этому грозному и вмѣстѣ отрадному явленію Природы, есть нѣкоторое предрасположеніе. Мы не имѣемъ понятія ни о сущности, ни о причинѣ и мѣстѣ огненной силы земли; по крайней мѣрѣ знаемъ, что она составляетъ причину великихъ измѣненій, которыя поверхность нашей планеты постоянно претерпѣваетъ. Ею по временамъ выталкивались новыя твердыни изъ нѣдръ земли, и цѣлые слои песку, глины, извести и другихъ водяныхъ осадокъ вспучены были со дна морей. Какъ страшны и вмѣстѣ благотворны, по своимъ слѣдствіямъ, изверженія огне-

дышущихъ горъ, можетъ внушить каждому Исторія и опытность.

Переходя отъ жизни органической и планетной къ жизни духовной, можно замѣчать также, что цѣль бытія разумныхъ существъ состоитъ частію въ собственномъ ихъ блаженствѣ, частію въ доставленіи наслажденій другимъ подобнымъ твореніямъ. Въ душѣ нашей есть недовѣдомое и никакими обстоятельствами неискоренимое стремленіе къ истинѣ и благу, изъ которыхъ проистекаетъ, какъ необходимое слѣдствіе — торжество духа. Стоитъ только развить эти потребности нашей разумной природы и дать имъ надлежащее направленіе, тогда мы будемъ совершенно счастливы. Но въ нравственномъ мірѣ, какъ и въ физическомъ, существуетъ своя система взаимныхъ соотношеній: общее благополучіе утверждается на самоотверженіи недѣлимыхъ. Посему каждое разумное существо должно поставлять для себя цѣлію не одно наслажденіе частное, но и самоумерщвленіе, которымъ умножается сумма всеобщихъ радостей духовнаго царства. Въ этомъ случаѣ Творецъ столько премудрѣе соединилъ средства съ цѣлями въ нравственномъ мірѣ, сколько духовная жизнь превосходитъ органической. Земля

намъ представляетъ ежедневные опыты, что смертію животныхъ увеличивается общій запасъ изобилія, безъ возвращенія сладостей жизни тѣмъ недѣлимымъ, которыя умножили собою массу всеобщаго довольства. Напротивъ изъ самопожертвованія души, сознающей въ себѣ образъ Божій, раждается благополучіе какъ общее всѣмъ разумнымъ существамъ, такъ и частное, свойственное тѣмъ лицамъ, которые терпятъ для другихъ добровольныя лишенія. Это происходитъ оттого, что жизнь духовная сообщается Природою различнымъ *субъектамъ*, и каждому изъ нихъ уступается въ вѣчное обладаніе, между тѣмъ какъ органическая имѣетъ одно внутреннее начало, въ которое всѣ недѣлимыя органическаго царства, испытавъ сладость бытія, возвращаются какъ въ общую сумму жизни. Вы, которые ищете наслажденій больше всего въ мірѣ и расточаете имущество ваше, чтобы купить нѣсколько упоительныхъ минутъ земнаго блаженства, перестаньте лишать себя и другихъ счастія, не нарушайте нравственнаго порядка, въ которомъ одномъ заключается общее и частное благополучіе разумныхъ твореній!

Здѣсь могутъ замѣтить намъ, что цѣль, для которой сотворенъ міръ, вообще достойна Существа Безконечно-совершеннѣйшаго. Слава Ему отъ всѣхъ тварей! Но развѣ необходимо, чтобы существа органическія своими частными страданіями восполняли сумму всеобщаго наслажденія? Развѣ необходимо, чтобы существа разумныя дѣлали самопожертвованіе для умноженія общаго блага и счастія? Для удобнѣйшаго разрѣшенія этихъ недоумѣній надобно прежде всего сказать, что намъ непріятны не лишеніе жизни животной или самоотверженіе, но тѣ болѣзненныя чувства, которыя съ ними соединяются. Гдѣ жъ источникъ всѣхъ нашихъ непріятностей? Обратимся къ самимъ себѣ. Какъ существа, одаренныя разумомъ и свободою, мы располагаемъ своими желаніями и дѣйствіями по совершенному произволу; имѣя средства укращать свои бурныя вожделенія и зная плачевныя слѣдствія, происходящія отъ владычества страстей надъ свободою, мы при всемъ томъ предаемся невоздержанію, гнѣву и многимъ другимъ порокамъ, которые необходимо влекутъ за собою болѣзни и преждевременно сводятъ насъ въ могилу. Отсюда видно, что наши страданія происходятъ отъ злоупотребле-

нія нами свободы. Что касается до тварей безсловесныхъ, то онѣ хотя повинуются законамъ необходимости, однакожъ соединены неразрывною связію съ человѣкомъ, по причинѣ которой не могутъ не принимать отъ него болѣе или менѣе смертоноснаго яду болѣзней. Это покажется еще болѣе достовѣрнымъ, если представить, какъ высоко человѣкъ поставленъ надъ прочими твореніями земли. Въ немъ сосредоточено исполненіе ихъ самаго послѣдняго назначенія; чрезъ него холмы и горы, древа и поля плодоносныя славятъ Бога; въ его умѣ получаютъ смыслъ и гимны птицъ, восхваляющихъ своего Создателя, и журчаніе ручьевъ, и раскаты грома и свистъ вѣтровъ; словомъ сказать, въ немъ заключается сердце земли, которымъ она возвышается надъ собою и славитъ невидимаго за наслажденіе жизнію, дарованное имъ и такъ драгоцѣнное для всѣхъ чувствующихъ тварей. Не удивительно, что при болѣзненныхъ вздохахъ этого сердца и вся тварь вмѣстѣ съ нимъ воздыхаетъ и стенаетъ. И такъ страданія земныя необходимы развѣ только въ томъ отношеніи, что люди, по своей испорченной природѣ, немогутъ воздержаться отъ злоупотребленія свободою. Впрочемъ мы скоро увидимъ,

какъ Промыслъ обращаетъ къ нравственному совершенству нашему даже плачевныя слѣдствія разстройства духовныхъ силъ въ человѣкѣ, и какъ чрезъ самое паденіе наше возстановляетъ насъ и ведетъ къ благополучію временному и вѣчному.

ГЛАВА II.

О Промыслѣ.

Понятіе о Промыслѣ вообще и убѣжденіе въ пользѣ всѣхъ родовъ, на основаніи здраваго смысла. — Виды Промысла. — Рѣшеніе нѣкоторыхъ недоумѣній, раждающихся при размышленіи объ этомъ предметѣ.

Подъ именемъ Промысла или Провидѣнія вообще разумѣется непрерывное попеченіе Божіе о сотворенныхъ существахъ, которое обнаруживается какъ въ поддержаніи ихъ внутренняго начала бытія, такъ и въ направленіи всѣхъ силъ къ достиженію извѣстныхъ цѣлей.

Спрашивать, есть ли Провидѣніе, значитъ требовать доказательствъ, управляетъ ли Богъ міромъ, который сотворилъ? Какъ можно сомнѣваться въ этой истинѣ! Какъ

можно изъявлять невѣріе въ ней! Исторія свидѣтельствуетъ, что убѣжденіе въ Промыслѣ составляло безцѣнное достояніе всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. Храмы, жертвоприношенія, священные гимны и поклоненіе Божеству всегда существовали, какъ въ древнемъ, такъ и въ новомъ мірѣ; а это все было бы безполезно, при мысли, что Оно оставляетъ себѣ самой Природу, имъ сотворенную. Правда язычники, блуждавшіе во мракѣ невѣжества, раздѣляли міръ между многими богами хранителями. Рожденіе и смерть, миръ и война, звѣзды и море, огонь и вѣтры, цвѣты и деревья — все у нихъ имѣло своихъ боговъ, изъ которыхъ каждый былъ предметомъ особеннаго почитанія, виною безчинныхъ праздноваиій. Но среди всѣхъ суевѣрій, въ язычествѣ открывается вѣра въ Бога вездѣприсущаго, Всемогущаго и все направляющаго къ своимъ высочайшимъ предначертаніямъ. Всѣ законодатели, всѣ истинные мудрецы и Философы разсуждали о Богѣ, какъ о верховномъ Правителѣ міра. Не распространяясь о Пиоагорѣ, Сократѣ, Платонѣ и Аристотелѣ, — этихъ свѣтильникахъ мудрости, доселѣ горящихъ во мракѣ языческой древности, мы приведемъ слова Цицерона, который много и основательно разсуждалъ

о *природѣ боговъ*. » Если ни кто, говоритъ онъ, найдя въ домѣ или на площади порядокъ, чистоту и опрятность, безъ сомнѣнія не можетъ подумать, что все это произошло само по себѣ, но всякой по необходимости предположитъ, что есть виновникъ сего порядка и чистоты: то тѣмъ болѣе не льзя предположить, чтобы не управлялись нѣкоторою разумною силою эти движенія и перемѣны вещей, противъ которыхъ ничего не можетъ сказать самая глубокая древность (*). « И въ другомъ мѣстѣ тотъ же Философъ пишетъ о Провидѣніи слѣдующее: » первая истина, въ которой надлежитъ всѣмъ народамъ быть твердо убѣжденными, состоитъ въ томъ, что боги суть наставники и споспѣшники дѣлъ человѣческихъ; что ими все управляется и что они видятъ всѣ дѣйствія человѣческія, какъ добрыя, такъ и злыя (**). « Посему-то и Плиній младшій начинаетъ свой знаменитый панегирикъ Траяну сознаніемъ, что этотъ славный Государь поставленъ на престолъ по особенному усмотрѣнію Божію. Principem nostrum divinitus constitutum. Въ

(*) De natura Deorum.

(**) De leg. lib. II.

новѣйшія времена взглядъ на Провидѣніе развился и очистился еще болѣе; и если иногда являлись умы кичливые и зараженные вольномыслїемъ, противъ которыхъ надобно было защищать Промыслъ, то на нихъ всѣ современники и всѣ потомки смотрѣли съ презрѣніемъ. Бейль-Эпикуръ новѣйшихъ временъ, нашелъ себѣ сильнаго противника въ Лейбницѣ, и составивъ славу ему прекраснѣйшею Теодицеею, оставилъ потомству имя свое на позоръ. Французскіе Энциклопедисты, недостойные имени Философовъ, нынѣ въ однихъ производятъ горькій смѣхъ, а другимъ внушаютъ бдительную осторожность подобнаго направленія мыслей.

И въ самомъ дѣлѣ, возможно ли здравымъ умомъ представлять Бога въ удаленіи отъ міра? Онъ есть безпредѣльная любовь; слѣдовательно не можетъ не изливать всегдашнихъ благодѣяній на своихъ тварей. Онъ есть Владыка Вселенной; а потому власть Его должна простираться на весь міръ, отъ существъ разумныхъ до бездушныхъ. Онъ есть нелицепріятный Судія: это должно увѣрить каждаго, что жизнь добродѣтельная и порочная не должны оставаться безъ заслуженнаго мздовоздаянія. Вообще Существо безконечно-совер-

шепнѣйшее не можетъ ни пренебрегать міромъ, который оно сотворило, ни изнемогать подъ бременемъ міроправленія. Безпрерывную бдительность Его подтверждаетъ самое разсматриваніе Природы. Безчисленные классы живущихъ тварей, безконечное разнообразіе въ видахъ и недѣлимыхъ, взаимная борьба между ними и опасности смерти такъ продолжаются, что міръ въ основныхъ силахъ своихъ и коренныхъ законахъ бытія ни мало не терпитъ измѣненій. Въ немъ мы усматриваемъ тѣ же перемѣны дня, ночи и года, то же теченіе рѣкъ, тѣ же морскіе берега, которыхъ не могли разрушить ни время, ни бурныя волны; въ немъ замѣчаемъ мы ту же цѣлительность травъ, то же обиліе плодовъ и благоуханіе розы. Крокодилъ не оставилъ своей жестокости, левъ и орелъ не потеряли своей власти въ различныхъ царствахъ Природы; пчелы и муравьи доселѣ любятъ общительность; кузнечикамъ не наскучило пѣніе, и науку все еще пріятно искусство-ткаціе. А человѣкъ? Онъ также слабъ нынѣ, какъ и во всѣ прежнія времена. Но его жизнь не дѣлается бѣдственнѣе; онъ не лишился высокихъ потребностей разума и свободы; не потерялъ упованія на вѣчную жизнь и не не-

ресталъ ожидать освобожденія изъ-подъ рабскаго ига грѣха. Почему это все такъ, а не иначе въ продолженіи всѣхъ вѣковъ было и вѣроятно будетъ? Отчего силы Природы какъ неразумной, такъ и разумной почти всегда дѣйствуютъ по однимъ и тѣмъ же законамъ? Отчего внутреннее начало міра существуетъ непрерывно и подъ тѣми же условіями? Оттого безъ сомнѣнія, что все сотворенное управляется Промысломъ.

Сравненіе Творца міра съ обыкновеннымъ художникомъ, которому неприлично быть постоянно при своемъ произведеніи, основывается на ложно-предполагаемомъ сходствѣ отношеній между художниками и произведеніями двухъ совершенно различныхъ родовъ. Мы не можемъ въ собственномъ смыслѣ создать ничего, но только можемъ дать матеріи ту или другую форму, сущность вещей находится въ полной независимости отъ насъ, такъ что нашему разуму не суждено и знать ее. Посему-то ежеминутное присутствіе художника-человѣка при своемъ произведеніи дѣлается излишнимъ. Но міръ зависитъ отъ Бога и по формѣ своей и по сущности; въ его бытіи не заключается безусловной причины самосохраненія и направле-

нія силъ къ извѣстнымъ цѣлямъ; слѣдовательно безъ непрерывнаго попеченія Промысла въ немъ все обратилось бы въ безобразный хаосъ, или даже въ ничтожество.

Въ школахъ обыкновенно различаютъ сохраненіе вещей отъ міроправленія (gubernatio mundi) и содѣйствія Божественнаго (concursus divinus) силамъ, обнаруживающимся въ Природѣ. Раздѣляютъ также Провидѣніе на общее (providentia generalis), относящееся къ цѣлымъ родамъ существъ сотворенныхъ, на частное (specialis), предметъ котораго составляютъ виды или классы тварей, и наконецъ на частнѣйшее (specialissima), которое простирается въ особенности на недѣлимыхъ. Впрочемъ, говорить порознь о всѣхъ этихъ видахъ Промысла, кажется, нѣтъ никакой нужды, потому что само собою ясно, какъ не сообразно было бы съ разумомъ допускать Промыслъ и не распространять его вліянія на силы, существующія въ мірѣ; принимать бытіе Провидѣнія и отвергать Провидѣніе общее или частное и частнѣйшее, безъ которыхъ невозможно ни какое міроправленіе. Гораздо лучше дѣлятъ Провидѣніе на Промыслъ обыкновенный или естественный и чрезвычайный, которые такъ между собою раз-

личны, что, по видимому, одинъ другимъ взаимно исключаются.

Обыкновеннымъ или естественнымъ называется тотъ Промыслъ, по которому законы и силы Природы, не прерывая своей постоянной дѣятельности, обращаются въ орудія къ достиженію цѣлей Божественнаго міроправленія. Такъ по законамъ физическимъ, безъ измѣненія ихъ, происходятъ весьма часто перевороты во всѣхъ царствахъ Природы, и при томъ столь важные, что въ нихъ нельзя не прозрѣвать дѣйствующей силы Божіей. Здѣсь можно напомнить о заразахъ, землятрясеніяхъ, пожарахъ и многихъ подобныхъ по своей губительности феноменахъ. Подобнымъ образомъ и въ нравственномъ мірѣ бываютъ явленія, сколько сообразныя съ настроеніемъ духовныхъ способностей, столько же и далекія отъ того, чтобы ихъ можно было изъяснить изъ дѣятельности одного ума и свободы существъ разумныхъ. Таковы почти всѣ добрыя дѣйствія, совершаемыя по законамъ естественной нравственности. Нѣтъ спора, что таковый способъ сочетанія Божественнаго начала съ естественными силами для насъ всегда будетъ составлять тайну, но тѣмъ не менѣе мы должны признать его за несомнѣнный;

ибо онъ не противорѣчитъ ни свойствамъ Божіимъ, ни законамъ Природы. Свобода человѣческая могла бы при немъ страдать только тогда, когда бы мы не могли рѣшаться на тѣ и другіе поступки, или захотѣли ложно представлять себя не зависимыми по духу отъ всѣхъ посторонних вліяній.

При всемъ томъ однакожъ должно сознаться, что при размышленіи о естественномъ Промыслѣ, сами собою могутъ родиться многія недоумѣнія, которыхъ мы не должны скрывать какъ потому, чтобы знающимъ ихъ слабымъ умамъ не дать повода къ нѣкоторымъ сомнѣніямъ въ истинѣ Провидѣнія, такъ и потому, чтобы доказать, какъ клеветы, разсѣваемыя легкомысліемъ, вмѣсто мнимаго униженія, возвышаютъ правду.

Въ минуту, когда преобладаетъ надъ разсудкомъ чувственность или гордое недовольство настоящимъ жребіемъ, человѣкъ можетъ съ прискорбіемъ самаго себя спрашивать: для чего существуетъ между людьми такое неравенство способностей душевныхъ и тѣлесныхъ, такое печальное разнообразіе состояній и счастія? Для чего эти болѣзни и страданія, которыя превращаютъ землю въ юдоль плача и стоновъ?

Почему преступленія и пороки, столь унизительные для существъ разумныхъ, Богъ не прекращаетъ въ родѣ человѣческомъ? Если Онъ не хочетъ препятствовать злу; что значитъ Его безкопечная благость? Если же хочетъ но не можетъ, что значитъ Его безпредѣльное могущество? Не такъ бы еще грустно было, когда бы зло являлось по временамъ и случайно въ мірѣ; напротивъ исторія человѣчества есть безпрерывная цѣпь преступленій и бѣдствій. А что всего обыкновеннѣе въ свѣтѣ, порокъ торжествуетъ надъ добродѣтелью, и, срывая съ главы благочестиваго вѣнецъ заслуженнаго счастія, покрываетъ ее позоромъ и униженіемъ, заставляетъ проводить дни въ скорбяхъ и печаляхъ. Какъ согласить все это съ Премудрымъ, Всеблагимъ и Правосуднымъ Промысломъ, который управляетъ міромъ? Какъ примирить это зло, разливающіеся въ мірѣ, съ существомъ непричастнымъ ничему подобному? И такъ 1) неравенство между людьми естественныхъ даровъ, состояній и счастія; 2) болѣзни и страданія, отравляющія все блаженство жизни нашей, и наконецъ 3) пороки, такъ унижающіе родъ человѣческій, — вотъ трудности, которыя долженъ объяснить себѣ каждый размышля-

ющій о Провидѣніи. Будемъ судить о нихъ по здравому смыслу, не внимая голосу страстей и не увлекаясь никакими предубѣжденіями.

1) Геніальность и слабость умовъ, счастливый и жалкій темпераментъ, красота и безобразіе формъ тѣлесныхъ, блестящія титла и болѣзненные труды въ неизвѣстности, богатство и бѣдность не должны производить ни малѣйшаго ропота на Промыслъ въ тѣхъ, коп, по видимому, Имъ оставлены на постоянныя заботы и печали въ жизни. Во-первыхъ, какое право мы имѣемъ требовать, чтобы существо Высочайшее принимало мѣрою и правиломъ своихъ благодѣяній наши желанія? Развѣ оно не можетъ изливать своихъ даровъ на однихъ съ большею щедростію, безъ нарушенія справедливости къ другимъ? Еслибы Творецъ не даровалъ намъ должнаго или былъ невѣренъ своимъ обѣщаніямъ, — тогда бы мы, безъ сомнѣнія, могли огорчаться и жаловаться на свое состояніе. Но Онъ сотворилъ насъ по совершенной свободѣ, такъ что самое дыханіе наше есть даръ, за который намъ должно благодарить Создателя своего. Если же Богъ вправѣ былъ не дать намъ самаго бытія, то какъ мы смѣемъ роптать на то,

что Онъ раздѣлилъ между нами душевныя и тѣлесныя преимущества не въ равной мѣрѣ? Можетъ ли жаловаться камень, что онъ не насѣкомое, или звѣрь, что онъ не человѣкъ? Притомъ, мы восхищаемся разнообразіемъ царствъ Природы, заключающихъ въ себѣ безконечное множество родовъ, видовъ и недѣлимыхъ, почему же воображать себѣ недостойнымъ Промысла разнообразіе въ мірѣ умственномъ, нравственномъ и политическомъ? Ужели всѣ полководцы должны быть Суворовы, всѣ Философы Платоны, всѣ ораторы Цицероны? Съ этимъ равенствомъ не было бы между нами ни геніевъ ни талантовъ. Но что всего важнѣе, намъ должно смотрѣть на тѣ обстоятельства, которыми сопровождается неравенство между людьми. Какъ чудно Божество приводитъ въ гармонію бѣдность и богатство, слабоуміе и геній, немощь и силу! Какъ удивительно поддерживаетъ Оно разнообразіе вкусовъ, способностей и знаній сообразныхъ съ нуждами обществъ? Насъ трогаетъ въ человѣкѣ благородство, мужество, скромность и другія возвышенныя качества ума и сердца; но по системѣ равенства они не могли бы существовать между нами. Отрадно видѣть, когда богачъ жертвуетъ своимъ имуще-

ствомъ для вспоможенія бѣдному или сильный вооружается на защиту слабаго, — но еслибъ всѣ были равно богаты и крѣпки силами, тогда бы ни богатство съ бѣдностію, ни сила съ слабостію не доставили случаевъ къ обнаруженію прекрасныхъ свойствъ духа. Такъ тѣсно соединены добродѣтели съ планомъ неравенства, по которому міръ устроенъ.

Что касается до различія состояній и соединеннаго съ нимъ счастія, то стоитъ лишь нѣсколько поднять покрывало, которымъ отъ насъ закрыты сердца человѣческія, и мы увидимъ, какъ неблагоразумно было бы недовольствоваться каждому своимъ жребіемъ. Намъ часто кажется свое состояніе или невыгодно или тягостно, тогда какъ въ другихъ состояніяхъ представляется все лучше, прелестнѣе нашего; мы видимъ вдали розы, а около себя не хотимъ замѣчать ничего, кромѣ терній, — и воображеніе наше рисуетъ яркими красками такую перемѣну званія, которая можетъ насъ сдѣлать болѣе несчастными. Будемъ смотрѣть безпристрастно на всѣ состоянія, и тогда откроется, что безчувствіе къ настоящимъ благамъ и жажда новыхъ наслажденій вездѣ мучатъ людей и не даютъ имъ покоя. Свѣтскій человѣкъ

завидуетъ спокойствію уединеннаго, а этотъ вздохами воспоминаетъ о движеніи и шумѣ свѣта. Земледѣлецъ, при взглядѣ на безплодныя поля свои, радуется участи городскихъ обитателей; а гражданинъ въ свое время прельщается бытомъ селянина. Всѣ хотятъ обладать тѣмъ, чего не имѣютъ, и обыкновенно тяготятся долговременно неизмѣняющимся порядкомъ вещей. Мы не хотимъ утверждать, что въ жребіяхъ людей существуетъ безразличіе, и что каждый въ свою очередь пьетъ равную съ другимъ чашу наслажденій и горестей; но неравенство здѣсь не такъ велико и важно, какъ представляется съ перваго взгляда. Такъ, напримѣръ, человѣкъ въ низкой долѣ не можетъ наслаждаться удовольствіями богача, зато не мучитъ его честолюбіе или страхъ о потерѣ имѣнія. Кому неизвѣстна роскошь, тотъ не испыталъ и болѣзней, которыми она сопровождается. Вообще, никакое блестящее состояніе не должно быть представляемо безъ всякихъ невыгодъ и особенныхъ непріятностей. Не часто ли величіе дѣлается для многихъ тягостнымъ? Не часто ли цари и вельможи отказываются отъ пышности, чтобы вкусить мирныя удовольствія въ тишинѣ? И чье серд-

це, въ припадкѣ чувствительности, разгорячennой мечтательнымъ воображеніемъ, не трогается изображеніями простой сельской жизни, удаленной отъ городовъ, гдѣ обыкновеннѣе всего расчеты обращаются въ пріязнь, приличіе въ радушіе, и личные интересы въ дружбу? Нѣтъ, слава не составляетъ счастія, роскошь влечетъ за собою болѣзни, величіе раждаетъ скуку, почести утомительны. Среди неравенства жребіевъ каждый изъ людей не тяготиться долженъ своимъ состояніемъ, но помнить, что сердце мнимыхъ счастливцевъ отъ него закрыто, и ввѣрять себя Промыслу.

2) Но почему всюду печали и страданія преслѣдуютъ насъ въ жизни? Почему сердцу человѣческому недовѣдомы полныя радости ни въ пустыняхъ, ни въ бѣдной хижинѣ, ни на престолѣ? Развѣ возможна столь бѣдственная участь человѣчества подъ управленіемъ Промысла? Удержимъ порывы чувствительности, и согласясь, что дѣйствительно человѣкъ не наслаждается невозмущаемыми удовольствіями; подумаемъ, вправѣ ли онъ искать такихъ удовольствій? Мы не находимъ ничего страннаго, въ ограниченности ума и воли человѣческой, зная, что невозможно тварямъ быть неограниченными; не удивляемся также

безсилію своему въ сравненіи со многими низшими насъ по природѣ существами, для чего же не довольствоваться намъ счастіемъ неполнымъ? Для чего искать наслажденій безпредѣльныхъ, радостей невозмущаемыхъ ни малѣйшими безпокойствами? Положимъ, что въ благополучіи, продолжавшемся чрезъ сто лѣтъ, человѣкъ испыталъ нѣкоторую непріятность; одна минута горестная безъ сомнѣнія не могла бы отравить столь долговременнаго блаженства, но самое блаженство посредствомъ ея могло сдѣлаться ощутительнѣе и вожделѣннѣе. А эта минута есть вся наша настоящая жизнь въ отношеніи къ вѣчности. И мы смѣемъ жаловаться на страданія? Не значитъ ли это уподобляться тому баснословному лицу, которое будучи уязвлено насѣкомымъ, досадовало, зачѣмъ Юпитеръ не поразилъ дерзкое насѣкомое?

Съ другой стороны, какъ бы ни увеличивалъ кто бѣдствія человѣческія, развѣ не многіе найдутся несчастливцы, которые желали бы смерти и предпочитали бы настоящему своему жребію ничтожество; потому что мы всѣ не рѣдко вкушаемъ удовольствія и радости; несчастія, претерпѣваемыя нами, всегда облегчаются или утѣшеніями другихъ или надеждами на отра-

дную будущность. Человѣкъ, говорятъ, несчастенъ: но если несчастія и скорби происходятъ отъ него самаго, надобно ли роптать на свою судьбу? Будемъ умѣреннѣе въ своихъ наслажденіяхъ, осторожнѣе въ словахъ и благоразумнѣе въ поступкахъ, станемъ жить воздержнѣе, трудолюбивѣе; и тогда предостережемъ себя отъ многихъ бѣдствій. Человѣкъ несчастенъ: но понимаемъ ли мы въ чемъ состоитъ истинное счастіе? Оно не зависитъ ни отъ случая, ни отъ внѣшнихъ достоинствъ, ни отъ умственныхъ стяжаній; оно заключается въ непарушимомъ спокойствіи совѣсти, которое сохранить каждому зависитъ отъ самаго себя. Человѣкъ несчастенъ: по тяжкія болѣзни, томительный голодъ, пожары и многія другія симъ подобныя явленія Природы, которыя извѣстны подъ именемъ бѣдствій, не суть ли одни счастливыя средства къ возвышенію нравственности въ людяхъ? Прекрасно говоритъ Русская пословица:

Громъ не грянетъ, народъ не перекрестится.

Въ самомъ дѣлѣ, когда всѣ желанія и предпріятія наши безпрепятственно исполняются, когда силы наши тѣлесныя находятся во всей свѣжести: тогда, по обыкно-

венной слабости нашей природы, мы болѣе занимаемся предметами земными, нежели помышляемъ о небесныхъ, и не рѣдко вовсе дѣлаемся безчувственными къ благодѣяніямъ Божіимъ. Но вдругъ поражаютъ насъ какіе либо случаи горестные для сердца; вдругъ умираютъ у насъ родные, разстроивается имѣніе, опустошаются поля, пожираются пламенемъ домы, или силы наши изнемогаютъ и бренный составъ тѣла подвергается разрушенію: кто между нами найдется столь нечувствителенъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, чтобы необратиться къ Богу, и не покаяться предъ Нимъ отъ души въ своихъ порокахъ, которыми оскорбляется правосудіе Божіе? Что касается до несчастій, претерпѣваемыхъ добродѣтельными, то лучше всего обращаться къ самимъ этимъ людямъ, для разрѣшенія мнимыхъ несообразностей между ихъ жизнію духовною и внѣшнимъ состояніемъ. Они намъ скажутъ, что истинное блаженство человѣка на землѣ заключается въ одной добродѣтели, и что для нихъ пріятнѣе отвергнуть всѣ блага временныя, нежели, насладившись ими, потерять блага вѣчныя. Пути, которыми ведетъ насъ Промыслъ къ послѣдней цѣли бытія, подлинно не одинаковы. Но почему однимъ

предопредѣлено стремиться къ своему назначенію путемъ скорбнымъ, а другимъ идти къ нему по дорогѣ, усѣянной цвѣтами радости, — причина, безъ сомнѣнія, находится въ предвѣденіи Божіемъ нравственнаго характера людей. Одни изъ насъ способны возбуждаться къ добродѣтельной жизни обиліемъ даровъ внѣшнихъ, другіе напротивъ скудостію въ нихъ, такъ что первыхъ довела бы бѣдность до отчаянія, а послѣдніе потеряли бы, при богатствѣ, многія высокія качества души. Поэтому не роптать мы должны на низкую свою долю, если въ ней суждено намъ проводить настоящую жизнь, но всегда признавать ее наилучшимъ средствомъ, по нашему природному характеру, къ достиженію послѣдней цѣли человѣческаго бытія, и благоговѣть предъ судьбами Премудраго Владыки міра.

3) Съ этой же точки зрѣнія должно смотрѣть и на то, почему Промыслъ попускаетъ въ людяхъ нравственное зло, которое такъ жестоко караетъ своими послѣдствіями всю землю. Мы знаемъ, что Богъ руководствуетъ свободу нашу къ добру безъ всякаго насилія для ней; иначе нравственныя дѣйствія наши были бы совершаемы по

физической необходимости, и не заслуживали бы ни награды, ни наказанія. Какимъ же образомъ, не лишая возможности наслаждаться блаженствомъ, отвлечь насъ отъ злыхъ намѣреній и поступковъ, если они зачинаются въ сердцѣ при полномъ самосознаніи нашего духа? Здѣсь мудрость человѣческая ничего не можетъ придумать. Но посмотрите, что дѣлаетъ премудрость Божія. Она обращаетъ, какъ мы показали, плачевныя слѣдствія нравственной порчи въ наилучшее средство къ нравственному исправленію, и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма часто изъ видимаго зла однихъ людей производитъ благо для другихъ. Вспомнимъ, какъ гонимо было Христіанство въ первые вѣка своего появленія; но рѣки крови не напрасно текли по лицу земли. Мученичество было самымъ сильнѣйшимъ оружіемъ противъ страстей человѣческихъ, и чѣмъ съ большею охотою оно принималось, тѣмъ далѣе побѣду свою простирала Христіанская вѣра. Итакъ мученическій вѣнецъ въ небѣ для исповѣдниковъ Спасителя и быстрое распространеніе Христіанства — вотъ слѣдствія гоненій, которыми дышала нѣкогда злоба человѣческая! Другой разительный примѣръ, изъ котораго можно видѣть, какъ Промыслъ обращаетъ зло чело-

вѣческое въ добро, намъ представляетъ Инквизиція. Сколько невинныхъ жертвъ пало подъ мечемъ ея неправосудія! За-то думала ли власть Духовная, что, налагая оковы невѣжества на мысль человѣческую, она будетъ тѣмъ самымъ благопріятствовать развитію умовъ? И мало ли бываетъ случаевъ въ частномъ быту нашемъ, когда зависть, лицепріятіе или другая какая либо страсть лишаетъ невинность всѣхъ выгодъ жизни, и это лишеніе для человѣка угнетеннаго служитъ средствомъ къ большимъ пріобрѣтеніямъ на другомъ поприщѣ? Вы, которые злоупотребляете правами ближнихъ своихъ, берите для себя уроки съ этихъ случаевъ, и научайтесь познавать и цѣнить людей безпристрастно! А тѣ, которымъ суждено безъ вины терпѣть несчастія, должны утѣшать себя надеждою на будущее, и больше всего остерегаться судить опромѣтчиво о планѣ Провидѣнія. Поставленные въ тѣсныхъ предѣлахъ пространства и времени, мы обыкновенно судимъ о всемъ по настоящему, тогда какъ надлежало бы взирать на цѣлый рядъ вѣковъ. Пораженные настоящимъ бѣдствіемъ, мы не можемъ видѣть его связи съ благомъ всеобщимъ; и потому, когда Промыслъ не согласуется въ своихъ предначерта-

піяхъ съ нашими намѣреніями, не надобно забывать, что намъ весьма не много дозволено проникать въ тайны совѣтовъ Его. Притомъ, человѣкъ по обыкновенной робости наказаній почти всегда имѣетъ въ виду милосердіе Божіе, тогда какъ надобно видѣть въ Богѣ сколько Отца, столько же и справедливаго Судію Вселенной. Какъ общій Отецъ, Онъ изливаетъ на все свои щедроты; но какъ Царь и Законодатель Онъ вправѣ всегда отъ насъ требовать Себѣ покорности и поставлять счастіе наше въ зависимости отъ нравственно-свободной дѣятельности нашего духа. Чтожъ? Былъ ли бы правосудень Верховный Судія міра, если бы нравственное зло прерывалъ силою своего Всемогущества въ источникѣ его—свободѣ человѣческой? Нѣтъ; Правосудіе Божіе можетъ карать лишь порочныя мысли и желанія наши, которыя суть плодъ свободы, а не самую свободу, такъ необходимую для счастія разумныхъ тварей. Законъ осуждаетъ въ Преступникѣ не то, что онъ могъ сдѣлать преступленіе, но по крайней мѣрѣ злое покушеніе. И такъ безпрерывное прекращеніе Провидѣніемъ ежеминутно зачинающагося въ сердцѣ нашемъ зла противно какъ природѣ души человѣческой, такъ и природѣ божественной. Во-

обще благоразумное изслѣдованіе трудностей, возникающихъ при размышленіи о Промыслѣ, ведетъ болѣе къ ясному и живому убѣжденію въ Немъ, нежели къ невѣрію въ Бога Міроправителя.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

О ПРИРОДѢ ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ РАЗУМНЫМЪ ТВАРЯМЪ.

Находясь въ совершенно страдательномъ отношеніи къ Виновнику своего бытія, Природа въ тоже самое время имѣетъ вліяніе на разумныхъ тварей самое сильное и полновластное. Доколѣ человѣкъ будетъ имѣть нужду въ водительствѣ ея, какъ своей воспитательницы; доколѣ не освободится отъ всякой подчиненности внѣшнимъ законамъ, или лучше, не научится управлять ими: дотолѣ онъ, при всей свободѣ своей, долженъ покоряться Природѣ. И напрасно мнимый властитель міра, въ ослѣпленіи ума своего, тяготится зависимостію отъ установъ ея, напрасно ропщетъ на то, что онъ обложенъ узами плоти, стѣсняющими порывы духа въ небеса. Это значитъ быть неблагодарнѣйшимъ сыномъ такой

матери, которая живетъ преимущественно для нѣжнаго плода своего, которая въ томъ поставляетъ почти всю цѣль своего бытія, чтобы доставить своему сыну предназначенное наслѣдіе славы и быть счастливою его счастіемъ. Мы постараемся раскрыть, А.) что Природа дѣйствительно ведетъ разумныхъ тварей къ предназначенной для нихъ цѣли, способствуя частію къ развитію въ нихъ тѣхъ силъ духа и частію къ удовлетворенію тѣхъ потребностей, которыя по своему происхожденію не принадлежатъ планетѣ. Но поелику нѣкоторые факты, по видимому, рѣшительно противорѣчатъ нашему положенію, то Б.) намъ должно обратить особенное вниманіе на нихъ, какъ на уклоненія Природы отъ общихъ законовъ ея, направленныхъ къ нравственно-разумному воспитанію людей, въ которомъ заключается источникъ ихъ благополучія.

Неизлишне упомянуть, что, говоря объ отношеніи Природы къ разумнымъ существамъ, мы понимаемъ Природу въ значеніи органическихъ силъ и законовъ, обнаруживающихся во всемъ матеріальномъ мірѣ, неисключая организма человѣческаго. Правда, человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла, какъ существо единичное, недѣлимое: но съ одной стороны земное въ его составѣ

обращается въ общую сумму жизни, а съ другой стороны существуютъ особыя науки для того, чтобы разсматривать отношеніе вещей къ растительному и животному бытію нашего организма; слѣдственно для Философіи Природы достаточно будетъ, сообразно сдѣланному нами раздѣленію, показать болѣе важныя средства и очевидныя препятствія къ развитію и удовлетворенію благороднѣйшихъ потребностей человѣческаго духа.

ГЛАВА I.

О средствахъ, которыми Природа способствуетъ разумнымъ тварямъ къ достиженію ихъ послѣдняго предназначенія.

О средствахъ пріуготовительныхъ.—О средствахъ прямыхъ.— О средствахъ располагающихъ человѣка къ нравственному усовершенію. — Аналогическое заключеніе отъ земли къ другимъ міраль.

Средства, которыми Природа ведетъ человѣка къ послѣдней цѣли его бытія, различны. Впрочемъ всѣ они могутъ быть раздѣлены a) на *пріуготовительныя*, b)

прямыя, и с) *располагающія къ нравственному усовершенію.*

а) Къ *приготовительнымъ* средствамъ должно отнесть образованіе организма человѣческаго и развитіе органическихъ способностей, отъ которыхъ безсмертный духъ нашъ находится чрезъ всю земную жизнь въ большой зависимости.

Начало, изъ котораго происходитъ человѣкъ, есть капля жидкости, состоящая изъ кислотвора, водотвора, углетвора и селитротвора, капля, которая одушевлена жизненною силою отца и матери. Въ первое время своего бытія она постепенно растетъ, какъ минералъ; потомъ отъ поглощенія жидкихъ частей всасывающими сосудами огустѣваетъ и представляетъ, въ видѣ движущейся точки, мешечекъ наполненный буроватокрасною жидкостію, отъ котораго въ послѣдствіи, подобно нитямъ, протягиваются сосуды, содержащіе такуюже жидкость. Въ этомъ періодѣ образованія, животный зародышъ есть не что иное, какъ растеніе, пускающее свои вѣтви во всѣ стороны. Но жизнь, сообщенная сѣмени человѣческому, не есть одна только растительная. Она развивается еще болѣе, такъ что въ половинѣ беременности зародышъ принимаетъ форму человѣка, и

получаетъ способность двигаться цѣлымъ тѣломъ, хотя движеніе его мало отличается отъ движенія полипа. Наконецъ при далѣйшемъ развитіи растительно животнаго организма начинаетъ образоваться нервная система и мозгъ. Такимъ образомъ тѣло человѣческое проходитъ всѣ степени развитія Природы и послѣ всего начинаетъ жить особо, какъ цѣлый міръ, повторенный въ недѣлимомъ (микрокосмъ).

По причинѣ многосложности организма человѣческаго необходимо, чтобы онъ созрѣвалъ не въ короткое время; а продолжительность полнаго развитія его въ соединеніи съ многочисленностію органовъ ручается за совершенство и превосходство его надъ всѣми прочими организмами. И дѣйствительно, какъ много тѣло человѣческое превосходитъ изящностію формъ своихъ тѣла всѣхъ прочихъ животныхъ, такъ далеко по сравненію съ ними оно остается на пути развитія. Искра жизни, заронен-ная въ сѣмя его, разгарается медленно, и не скоро дѣлается способною полновластно управлять организмомъ своимъ. Младенецъ является на свѣтъ съ однимъ инстинктомъ или природнымъ влеченіемъ, которое столь-же неопредѣленно, какъ мягко и удобно ко всѣмъ измѣненіямъ его тѣло. Но мало

по малу этотъ инстинктъ начинаетъ становиться явственѣе и раздѣльнѣе, по мѣрѣ того, какъ начинаютъ удовлетворяться его потребности. Дитя, по естественному побужденію, бросаетъ взоры свои на окружающіе его предметы и открываетъ уста для принятія пищи. Это первое сообщеніе человѣка съ внѣшнею Природою сопровождается раздражительностію нервовъ и удержаніемъ тѣхъ впечатлѣній, которые раждаются отъ внѣшнихъ предметовъ. Такимъ образомъ инстинктъ первоначально не обнаруживающійся ни въ чемъ, какъ только въ нѣкоторомъ, внутреннемъ ощущеніи младенца начинаетъ проявляться во внѣшнихъ чувствахъ и памяти. Безпрекословное удовлетвореніе нуждамъ животной природы вызываетъ новыя потребности, сообразно которымъ чувство принимаетъ различныя видоизмѣненія. Оттуда происходитъ ощущеніе жажды, голода, страха, удовольствія и огорченія, попеченіе о развитіи тѣла, познаніе здоровья, и все то, что на обыкновенномъ языкѣ именуется голосомъ сердца. Какъ бы благоговѣя предъ особою человѣка, Природа въ чувственныхъ нервахъ ограничила свое половластіе сердцемъ, и уступила для свободы человѣческой благороднѣйшую часть организма—мозгъ. Нѣтъ

сомнѣнія, что между мозговыми нервами и тѣми, которые находятся во внутренностяхъ организма, раздѣляясь на узлы (ganglia) и сплетенія (plexus) есть самая ближайшая связь. Но первые могутъ быть напряженными и ослабленными по произволу нашему, а послѣдніе безпрерывно поддерживаютъ дѣятельность растительныхъ системъ и непосредственно не зависятъ отъ воли нашей. Посему цвѣтъ индивидуальной жизни созрѣваетъ съ полнымъ развитіемъ мозга.

Чтожъ представляетъ намъ опытъ съ этимъ окончательнымъ развитіемъ органическаго царства въ особѣ человѣка? Дабы яснѣе видѣть истину, мы должны прежде всего сказать о законѣ постепеннаго развитія плановой жизни, по которому оказывается, что чѣмъ сложнѣе и благороднѣе организмъ, тѣмъ высшія въ немъ заключаются способности. Въ царствѣ растительномъ повторяется все, что находится въ неорганическомъ, и прибавляется нѣчто новое составляющее переходъ къ насѣкомымъ. Въ царствѣ животномъ опять повторяется все, что находится въ природѣ неорганической и насѣкомыхъ, съ присовокупленіемъ впрочемъ новыхъ органовъ и способностей. И здѣсь между живот-

ными какое разнообразіе! Одни изъ нихъ сообразно органическому устройству представляются кроткими, простыми, другія дикими, хитрыми такъ, что память, смышленность, низшее или опытное сознаніе, по которому одно существо различаетъ себя отъ другаго, и произволъ въ дѣйствіяхъ у многихъ весьма изъ нихъ очевидны. Перейдемъ теперь къ организму человѣка, который по своему тѣлу принадлежитъ землѣ, какъ всякое животное, и слѣд. подчиненъ закону постепеннаго развитія общей жизни. Въ тѣлесномъ составѣ находится сходство со многими животными; но его сердце и мозгъ, его нервы и всѣ внутренности несравненно превосходнѣе въ качественномъ отношеніи, нежели у всѣхъ прочихъ животныхъ. Въ самой наружности его замѣчаются многія особенности, каковы суть: прямоотвѣсное хожденіе на двухъ ногахъ, свободное положеніе рукъ, нагота кожи, глаза съ параллельными осями зрѣнія, носъ выдавшійся во всей его длинѣ, зубы разнообразныхъ формъ, языкъ весьма гибкій и поворотливый, личныя мышцы, составляющія физіономію. Послѣ всего этого, если никто не въ правѣ ожидать съ полнымъ развитіемъ организма человѣческаго новыхъ планетныхъ способно-

стей, нежели какія находятся въ животныхъ, то по крайней мѣрѣ тѣ способности, которыя существуютъ въ послѣднихъ, въ человѣкѣ по общему закону Природы должны обнаружиться во всей своей полнотѣ и во всемъ совершенствѣ. Такъ и бываетъ съ человѣкомъ, при полновластіи животнаго инстинкта въ мозговой его системѣ. По тому же самому побужденію, которое прежде нудило младенца къ тѣмъ или другимъ ощущеніямъ, отрокъ сознаетъ себя отличнымъ отъ всѣхъ внѣшнихъ предметовъ, помнитъ о нихъ, избираетъ ихъ по своему произволу и является въ полномъ значеніи слова смышленнымъ. Итакъ способность чувствованія, память, разсудокъ (intellectus) и воля (voluntas) суть дары, которыми Природа насъ награждаетъ вмѣстѣ съ развитіемъ организма.

Правда, что всѣ эти способности не много возвышаютъ нашъ родъ предъ прочими животными; ибо при помощи разсудка, обращающагося въ одномъ кругу видимаго міра, мы не могли бы придти къ мысли о духовномъ мірѣ, равно какъ, при животномъ сознаніи и выборѣ тѣхъ или другихъ дѣйствій, намъ не пришла бы на умъ никакая идея о началѣ и источникѣ добра, непостижимомъ для чувствъ. Но мы

должны смотрѣть на земныя силы души, какъ на средства, которыми Природа приготовляетъ насъ къ познанію самихъ себя. Въ то самое время, какъ инстинктъ животный развивается въ организмѣ человѣческомъ во всей полнотѣ, человѣкъ, входя въ душу свою, сознаетъ въ ней нѣчто высшее и благороднѣйшее, нежели всѣ потребности чувственной природы: это законъ нравственный, обязующій его стремиться къ безусловной истинѣ, безконечному благу и невыразимой красотѣ. Здѣсь только вполнѣ объясняется для человѣка, что значитъ имѣть разумъ (ratio), свободу (libertas) и даръ творчества (genius), хотя давно онъ могъ усвоить себѣ эти способности, по слуху. Здѣсь только раскрывается глубокій смыслъ слова: *Я*, не смотря на то, что оно извѣстно бываетъ намъ еще съ дѣтства. Здѣсь только наконецъ дѣлается понятнымъ, что Природа, надѣляя насъ многими способностями, является служительницею горняго міра.

Въ самомъ дѣлѣ, что сталось бы съ нашимъ врожденнымъ предрасположеніемъ къ жизни разумно-свободной, если бы оно не было развиваемо Природою! Что было бы со всѣми высокими потребностями нашего духа, еслибы онѣ не были освѣщены

лучемъ высшаго сознанія, возникающаго только съ раскрытіемъ органической жизни? Зерно не можетъ восходить и прозябать безъ почвы; духъ не можетъ развиваться безъ способностей плоти. Надобно, чтобы человѣкъ научепъ былъ Природою противополагать себѣ предметы внѣшніе; надобно чтобы явленія, происходящія какъ во внутреннемъ, такъ и во внѣшнемъ мірѣ, онъ могъ, при помощи низшаго сознанія, приводить въ единство: тогда только онъ способенъ ощутить себя въ душѣ существомъ не только органическимъ, но и нравственнымъ. Такъ Природа и ведетъ его путемъ раскрытія органическихъ способностей къ сознанію благороднѣйшихъ, духовныхъ потребностей. Мало того, она вводитъ безсмертный нашъ духъ въ нѣдра свои, раскрываетъ предъ нами свои безцѣнныя сокровища и доставляетъ средства, сообщивъ намъ разсудокъ и произволъ, пользоваться ими для своихъ высшихъ цѣлей. Такимъ образомъ, сколько удобствъ нашей свободѣ открывается къ развитію въ земной жизни небесныхъ помысловъ и стремленій духа! Сколько явленій представляется въ видимомъ мірѣ, которыя невольно возвышаютъ безсмертную мысль нашу отъ видимаго къ незримому!

b) Впрочемъ Природа не только пробуждаетъ въ человѣкѣ высшія потребности духа, но и способствуетъ удовлетворенію ихъ, хотя жажда истины, блага и чистѣйшихъ удовольствій въ нашей душѣ безконечна, потому что въ утоленіи ея состоитъ вся цѣль нашего бытія. Но не смотря на то, при естественныхъ средствахъ, мы частію 1) научаемся истинѣ, частію 2) находимъ обязательства слѣдовать ей, и наконецъ 3) частію можетъ вкушать чистыя удовольствія. Эти средства, по причинѣ ближайшаго ихъ отношенія къ послѣднимъ цѣлямъ нашего бытія, можно называть *прямыми*.

1) Врожденное стремленіе разума къ истинѣ само въ себѣ безплодно. Еслибы разумъ могъ созерцать предметъ своего стремленія безъ всякаго посредства и въ первоначальномъ его источникѣ — существѣ Премудромъ, тогда жажда вѣдѣнія не была бы для него томительна. По послику человѣкъ облеченъ формами чувственности, которыя ограничиваютъ полетъ духа въ невидимый міръ, то непосредственное созерцаніе истины, въ настоящемъ состояніи, для него невозможно и предрасположеніе къ ней само въ себѣ разсматриваемое остается въ душѣ органической, какъ сѣмя на чужой

почвѣ. Чтожъ дѣлаетъ Природа? Она прививаетъ это небесное сѣмя къ земнымъ способностямъ, и отсюда происходитъ вѣтвистое древо познанія, которое, утверждаясь корнемъ своимъ въ мірѣ чувственномъ, касается вершиною міра духовнаго. Земля и небо, видимый и невидимый міръ, — все обращено въ предметъ человѣческаго изслѣдованія. Посредствующимъ органомъ разума въ изысканіи истины служитъ разсудокъ, коего назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы оплодотворяясь фактами входить съ ними въ область чисто идеальную, или лучше, принимать изъ нея всегда готовый элементъ сверхчувственнаго и развивать его при помощи опыта. Посему ни такъ называемыя естественныя знанія, которыя состоятъ изъ соединенія разнообразныхъ фактовъ, ни логическія дробленія и сложенія понятій, ни всѣ науки и искусства, въ совокупности взятыя, не составляютъ истины самой въ себѣ, которая существуетъ внѣ всякихъ условій. Это суть только органы, въ которыхъ болѣе или менѣе истина обнаруживается. Отсюда видно въ какомъ смыслѣ Природа удовлетворяетъ требованію истины, такъ сродной нашему духу. Разумъ стремится къ чему-то чисто духовному безотчетно и безусловно, — вотъ

все, что въ немъ первоначально находится. Но въ чемъ состоитъ это стремленіе, къ чему оно влечетъ насъ, какія существуютъ средства къ удовлетворенію его, самое приложеніе найденныхъ средствъ къ дѣлу опредѣляется только при помощи способностей, сообщенныхъ намъ Природою. Такимъ образомъ мѣра удовлетворенія врожденной потребности истины, которое мы получаемъ отъ Природы, заключается въ суммѣ всѣхъ истинъ, развитыхъ въ сознаніи настоящихъ поколѣній человѣчества. Хотя эта сумма не велика и досталась человѣческому роду чрезъ многія столѣтія, но тѣмъ не менѣе мы находимъ въ ней пищу для своихъ познавательныхъ способностей, и если жажда нашего духа возникаетъ съ большею силою послѣ нѣкотораго удовлетворенія ей, то не по иной причинѣ, какъ по предназначенію насъ для вѣчности. Истина въ себѣ навсегда останется для насъ идеаломъ; но приблизить къ уму нѣкоторыя черты ея подъ формами человѣческаго мышленія, найти факты, въ которыхъ онѣ, такъ сказать, воплощаются, безъ сомнѣнія есть торжество для человѣческаго разума.

2) Не надобно однако забывать, что истина сама въ себѣ есть высочайшее благо и красота; слѣдственно, чтобы сродниться-

ся съ нею и соединиться сколько можно тѣснѣе, должно имѣть сердце чистое, не растлѣнное страстями. Вотъ почему Сократъ не полагалъ никакого различія между знаніемъ и добродѣтелью. Постигнуть всю цѣну истины и быть злымъ, — это верхъ развращенія. Ибо если земные предметы съ отличными совершенствами привязываютъ насъ къ себѣ и плѣняютъ такъ, что для снисканія ихъ или единенія съ ними мы готовы дѣлать все, чего отъ насъ требуютъ: то какъ должна привязать къ себѣ сердце наше безконечно-совершенная истина, которая хочетъ соединиться съ духомъ нашимъ подъ условіемъ подражанія нашего святости и красотѣ ея. Какъ должны мы, любя правду, осторожны быть на каждомъ шагу жизни, чтобы не презрѣть голоса истины, который безпрерывно внушаетъ намъ слѣдовать по пути добродѣтели? Это побужденіе свободы человѣческой къ нравственно-доброй дѣятельности есть самое возвышеннѣйшее, самое чистѣйшее и вмѣстѣ самое сильное. Любить истину для истины, и подражать ея совершенствамъ, потому что она совершенна, есть благороднѣйшее и самое безкорыстное начало нравственности. Но это начало дѣятельности заимствуется изъ идеальной области души, а

самыя дѣйствія совершаются въ мірѣ опытномъ. Притомъ сколько оно обще, столько дѣла человѣческія въ обыкновенномъ быту частны и многосложны. Какимъ же образомъ изъ выспренняго міра благо низвесть въ опытъ и приложить ко всѣмъ поступкамъ человѣческимъ, во всѣхъ состояніяхъ людей, и во всѣ времена ихъ жизни? Здѣсь ничего не моглибы мы сдѣлать, если бы Природа не дала намъ разсудка. Въ немъ только заключается средство къ тому, чтобы приблизить совершенства истины къ нашему сердцу и расположить ими къ добродѣтелямъ, чрезъ которыя можно надѣяться соединенія съ нею. Посему-то люди, коихъ разсудокъ занять болѣе житейскими сдѣлками, нежели развитіемъ въ сознаніи высшихъ потребностей духа, обыкновенно бываютъ неспособны водиться въ нравственной дѣятельности своей побужденіями, заимствованными отъ внутренняго достоинства истины.

Но для такихъ людей много въ Природѣ другихъ побужденій къ добру, которыя хотя не высоки по нравственному характеру, однако тѣмъ не менѣе дѣйствительны. Сюда относятся преимущественно здравіе и разстройство тѣлесное, къ которымъ не могутъ быть равнодушны

смертные, привязавшіе себя къ землѣ. Равнымъ образомъ многія явленія физическія угрожающія или благопріятствующія выгодамъ человѣка служатъ для него громкими проповѣдниками доброй нравственности. Самое обращеніе къ правамъ животныхъ можетъ доставить побужденія для многихъ добродѣтелей. Лютость, столь свойственная многимъ изъ нихъ, не должна ли заставить человѣка быть милосердымъ, снисходительнымъ и ласковымъ? Инстинктъ любви, по которому самка и самецъ берегутъ дѣтей своихъ, или одно животное охраняетъ другое, не долженъ ли внушать людямъ обязанность тщательнѣйшаго воспитанія дѣтей своихъ, или взаимнаго вспомоществованія въ нуждахъ? Такъ все въ Природѣ настроено къ пробужденію въ нравственныхъ существахъ благихъ помысловъ и желаній.

3) И еслибы въ самомъ дѣлѣ люди не только не желали, но и не помышляли о злѣ, не раемъ ли былъ бы этотъ видимый міръ? Для человѣка невиннаго каждая вещь есть очевиднѣйшее обнаруженіе радостнотворнаго присутствія Божія. Громъ есть голосъ Бога, свѣтъ — риза, которою Онъ облекается, и которую на брасываетъ на

мрачную ночь, звѣзды суть воинство небесное, вѣтры — слуги Царя небеснаго, и дожди и облака возвѣщаютъ слѣды незримаго шествія Божія. Словомъ сказать, каждый протокъ воды, каждый цвѣтокъ, благоухающій въ полѣ, каждый кустъ, осѣняющій путника своими листьями, дастъ чувствовать невиннымъ душамъ неизъяснимую радость. Чтожъ сказать о всей Природѣ? Одна мысль, которую она внушаетъ о величіи Создателя, обитающаго въ своихъ твореніяхъ, должна удалить отъ насъ всѣ злые помыслы и пролить въ сердце трепетъ благоговѣнія. Кто испыталъ священный восторгъ при созерцаніи неба, тотъ можетъ представить какъ высоко блаженство, которое доставляетъ человѣку Природа своими величественными явленіями. Въ эти минуты безсмертный духъ нашъ отрѣшается мыслію отъ всего земнаго и погружается въ одно небесное; онъ стоитъ на прагѣ вѣчности, превращается весь въ око и слухъ, теряется въ безконечномъ пространствѣ міровъ, чувствуетъ себя ничтожнымъ предъ Создателемъ міра и вмѣстѣ сознаетъ свое достоинство. Самая грусть, которою растворяется взоръ нашъ въ небо, для сердца отрадна. Она говоритъ сердцу: тамъ твои надежды!

Мы видѣли какъ Природа ведетъ человѣка къ назначенію его чрезъ пріуготовительныя и прямыя средства. Теперь посмотримъ, какъ къ тойже цѣли она располагаетъ человѣка 1) чрезъ различные возрасты жизни, 2) чрезъ темпераменты, 3) чрезъ раздѣленіе половъ на мужескій и женскій, и наконецъ 4) чрезъ общественный бытъ.

1.) Нравственное усовершеніе и происходящее отсюда счастіе человѣка предполагаетъ рядъ многочисленныхъ добродѣтелей, въ которыхъ по слабости нравственной мы укрѣпляться можемъ только постепенно и преемственно. Для этого весьма много способствуютъ различные возрасты жизни. Если младенчество человѣка проходитъ въ снѣ, попеченіи о пищѣ и игрушкахъ, при чемъ обнаруживается душевное ощущеніе безъ сознанія, то съ другой стороны отроческій періодъ времени не можетъ не благопріятствовать добрымъ впечатлѣніямъ на мягкое сердце возрастающаго дитяти. Присмотритесь къ особенностямъ этого возраста, не напрасно въ немъ строеніе членовъ тѣлесныхъ дѣлается соразмѣрнѣе, кровообращеніе правильнѣе и чувственная дѣятельность сильнѣе; не напрасно черты лица принимаютъ

большую выразительность, члены тѣла получаютъ большую крѣпость и величину. Въ отрочествѣ человѣкъ начинаетъ понимать и судить, хотя совершенно по дѣтски. Переимчивость и острота памяти, ревность къ похвалѣ и охота къ механическимъ упражненіямъ суть сильные его движители. Онъ готовъ слушать всѣ разсказы, особливо, которые отличаются чудесностію или какими-либо странностями. Для него все такъ ново въ обыкновенномъ кругу людей, все такъ занимательно, что непремѣнно стоитъ вниманія. При столь невинномъ расположеніи и нѣжности души, какъ легко могутъ напечатлѣться въ памяти отрока по крайней мѣрѣ коренныя начала нравственности! Эта дѣтская простота, съ которою онъ ввѣряется другимъ и слушаетъ ихъ совѣты, кажется, должна внушить всякому наставнику осторожность въ словахъ и благоразуміе въ поступкахъ.

Доставивъ случай человѣку въ отрочествѣ пріучиться къ добру и вкоренить въ мысли спасительные уроки какъ бы изъ предосторожности и для запаса, Природа вводитъ его постепенно въ юношескій возрастъ. Теперь всѣ органы и системы тѣла,—мозгъ, гортань, грудь, легкое и тазъ развиваются въ полной мѣрѣ. Со-

вершенный статный ростъ, зрѣлость физическихъ силъ, свѣжесть и красота лица составляютъ особенную принадлежность юношескаго организма. Опасайтесь за того юношу, который въ дѣтствѣ не былъ наставленъ ничему доброму, привыкъ къ обманамъ, притворству и капризамъ. Свобода его должна обратиться въ необузданное своеволіе, чувства въ страсти, умъ въ искусство изобрѣтать удовольствія и прикрывать свои проступки благовидными предлогами. Цвѣтъ невинности скоро заблекнетъ на щекахъ его, огонь въ глазахъ погаснетъ, физіономія потеряетъ свою прелесть, и лице покроется мертвою блѣдностію. Но съ другой стороны какъ роскошна и привлекательна юность того человѣка, который съ раннихъ лѣтъ получилъ истинное настроеніе ко всему возвышеннѣйшему и благородному. Пылкое воображеніе, пламенное чувство, твердой и тонкій умъ вызываютъ его на обширное поприще дѣятельности. Обширные планы и предпріятія нетерпѣливо имъ приводятся въ исполненіе. При незнаніи свѣта, надежды на людей оживляютъ его восторгомъ и мрачное будущее рисуютъ ему въ радужныхъ цвѣтахъ счастіе. Онъ чувствуетъ себя ко многому способнымъ, являет-

ся неутомимъ въ трудахъ и охотно отважится на такіе подвиги, которые требуютъ большаго самопожертвованія. Находя себя пригожимъ и владѣя своими чувствами, онъ любитъ всѣхъ, но никому не отдаетъ сердца своего, кромѣ единственнаго предмета, съ которымъ соединяетъ его законъ. Скрытность, продолжительная злоба, скупость и равнодушіе къ важнымъ происшествіямъ въ юношѣ неестественны, хотя иногда и бываютъ. Какъ бы то ни было, только Природа совершеннымъ развитіемъ силъ душевныхъ и тѣлесныхъ въ полной мѣрѣ благопріятствуетъ человѣку упражняться во всѣхъ родахъ добродѣтелей.

Впрочемъ не должно страшиться, что весна жизни кратковременна, что въ сладостныхъ надеждахъ и ожиданіяхъ мгновенно приближается новый періодъ жизни. Правда, мужескій возрастъ приноситъ съ собою оскудѣніе силъ физическихъ и вмѣстѣ съ нимъ упадокъ въ бодрости духа; за то дѣйствія, совершаемыя въ юношествѣ съ рвеніемъ и поспѣшностію, иногда вредными, въ мужествѣ производятся съ спокойнымъ размышленіемъ, при которомъ разсудокъ успѣваетъ обозрѣть всѣ способы къ достиженію предполагаемой

цѣли. Опытность, твердость въ поступкахъ и поддержаніе общественнаго о себѣ мнѣнія, составляютъ отличительныя черты мужескаго возраста. Благоразумный мужъ не увлекается, подобно юношѣ, вихремъ свѣта. Напротивъ, при исполненіи своихъ обязанностей, въ удаленіи отъ свѣта, онъ обозрѣваетъ прошедшія дѣйствія и не упускаетъ изъ виду будущихъ обстоятельствъ своей жизни. Внѣшность вещей для него потеряла уже прежнюю цѣну; міръ, съ безпрерывными своими превратностями, не привлекателенъ; въ этомъ осеннемъ періодѣ жизни своей, онъ существуетъ не столько для себя, сколько для своего семейства. Устроя счастіе своихъ дѣтей или родныхъ, разсудительный мужъ, по естественному влеченію возраста, устремляетъ взоръ свой въ міръ невидимый, и тамъ надѣется для себя снискать благополучіе. Религія, которая прежде составляла для него священную потребность разумной природы, теперь дѣлается единственнымъ прибѣжищемъ въ предстоящихъ искушеніяхъ и скорбяхъ. Кто такимъ образомъ входитъ въ свое положеніе, повинуясь закопамъ органической Природы, которая воспитываетъ человѣка для неба, тотъ не можетъ не укрѣплять себя въ добрыхъ мысляхъ и

чувствахъ, не можетъ не увеличивать суммы добрыхъ дѣлъ, которая по совѣстномъ изслѣдованіи всегда оказывается бѣдною.

Между тѣмъ время течетъ и незамѣтно приближаетъ мужа къ старости. «Послѣ пятидесяти лѣтъ плодотворная дѣятельность организма значительно умаляется, а послѣ шестидесятаго года всѣ тѣлесныя отправленія болѣе или менѣе ослабѣваютъ, — по различію тѣлосложенія, рода жизни, внѣшнихъ обстоятельствъ и внутренняго состоянія тѣла. Плотныя части отвердѣваютъ, жидкія сгущаются, жизненный огонь гаснетъ, движеніе членовъ происходитъ весьма уже нескоро, соки крайтокъ, чувства тупѣютъ, дыханіе стѣсняется, и напослѣдокъ пищевареніе совершается медленно. При упадкѣ питанія и слабости растительныхъ дѣйствій, измѣняются какъ пищеварительные, такъ и кровотворительные органы: желудокъ съуживается, сердце блѣднѣетъ и дѣлается хрящеватымъ, оболочки легкаго срастаются, твердѣютъ, и весь легочный составъ разслабляется, мозгъ умаляется и твердѣетъ въ своемъ составѣ, мозговыя оболочки отолстѣваютъ, и черепъ становится меньше. Глазный шаръ также умаляется въ его объемѣ, прозрачная роговая оболочка и

хрустальная чечевица дѣлаются менѣе выпуклы, и водяная жидкость мутна. Въ ушномъ лабиринтѣ изчезаетъ влага, нужная для слуха, оттого, въ глубокой старости, зависитъ слѣпота и глухота, равно какъ и всѣ чувства во время ея притупляются въ своихъ дѣйствіяхъ (*). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ душѣ старца слабѣютъ всѣ способности, которыя составляютъ принадлежность общей жизни: память измѣняетъ ему, разсудокъ по временамъ мѣшается, воля изнемогаетъ. Вообще существо его, такъ сказать, свивается само въ себя. Въ полнотѣ жизни своей, человѣкъ часто страшится смерти, и не можетъ сносить мысли о прекращеніи тѣлеснаго существованія своего. Но (— вотъ одно изъ сильнѣйшихъ доказательствъ высшаго происхожденія духа человѣческаго! —) тогда какъ все земное готово обратиться въ землю, разумное око старца невольно устремляется въ міръ духовный, свобода жаждетъ одного только вѣчнаго блага, и нравственное чувство не возмущается при мысли о скоромъ разлученіи души съ тѣломъ. Въ это время безсмертный духъ находится къ организму точно въ такомъ отношеніи, въ какомъ

(*) См. Основное начертаніе общей и частной Физіологіи стр. 475 и 476. Соч. Даніиломъ Велланскимъ.

солнечный свѣтъ бываетъ къ радугѣ, измѣняемой въ яркости цвѣтовъ и формѣ по положенію лучей его къ дождевымъ каплямъ. Какъ измѣненіе и уничтоженіе радуги не касается самаго цвѣта, такъ ослабленіе и разрушеніе тѣла не касается самаго духа. Такимъ образомъ Природа въ послѣдній разъ побуждая человѣка къ нравственному совершенству свитіемъ его органическихъ силъ, наконецъ обращаетъ ихъ въ общую сумму жизни, и старецъ съ міромъ отходитъ въ вѣчность.

2.) Съ различными возрастами человѣка весьма тѣсно соединены различные темпераменты, которые суть не что иное, какъ результатъ всѣхъ органическихъ отправленій. Часто говорятъ, что умственная и нравственная дѣятельность человѣка вполнѣ зависитъ отъ темпераментовъ и что нѣкоторыми изъ нихъ свобода души стѣсняется въ своихъ дѣйствіяхъ. Отсюда превратность жизни получаетъ для себя видъ законности, по которому совѣсть перестаетъ обвинять нарушителя нравственныхъ правилъ. Но въ самомъ дѣлѣ темпераментъ, не нарушая свободы человѣческой, всегда болѣе или менѣе благопріятствуетъ дѣйствіямъ, сообразнымъ съ предназначеніемъ человѣка.

Сангвинический темпераментъ, господствовавшій въ Аѳинянахъ и между новѣйшими народами свойственный Французамъ, отличается легкомыслiемъ, непостоянствомъ и не вѣрностію въ дружбѣ, склонностію къ удовольствiямъ и наслажденію жизнію. Но въ основанiи всѣхъ этихъ расположенiй лежитъ добродушiе и живость, по которой сангвиники обыкновенно принимаются за все съ горячностію. Искорененiе недостатковъ и развитiе добродѣтелей этого темперамента, безъ сомнѣнiя, принесутъ добрые плоды.

Меланхолический темпераментъ, замѣчаемый преимущественно въ Индѣйцахъ и Нѣмцахъ, благопрiятствуетъ развитiю религiозныхъ чувствъ болѣе, нежели сангвинический. Меланхоликъ удаляется отъ шумныхъ забавъ и веселыхъ обществъ; онъ заключается во глубинѣ своей души; питаетъ склонность къ изслѣдованiямъ предметовъ почти всегда возвышенныхъ, требующихъ особеннаго вниманiя; въ дѣйствiяхъ тихъ, тщателенъ и неослабенъ. Его мысли и желанiя устремляются въ мiръ высшiй, идеальный; потому что не находятъ сродной себѣ пищи въ мірѣ опытномъ. Осторожность, нечувствительность ко внѣшнимъ обстоятельствамъ жизни,

равнодушное перенесеніе обидъ суть обыкновенныя свойства меланхолика.

Холерическій темпераментъ, приписываемый Италіянцамъ и Испанцамъ, занимаетъ средину между сангвиническимъ и меланхолическимъ. Холерикъ не столь раздражителенъ, чтобы трогаться всякою малостію, но и не такъ нечувствителенъ, что бы равнодушно смотрѣть на всѣ внѣшнія происшествія. Ему нравятся наружный блескъ, пышность и великолѣпіе; но, среди всѣхъ своихъ забавъ, онъ расположенъ къ занятіямъ постояннымъ и требующимъ глубокихъ соображеній. Его любовь горяча, вѣчна, но не безразсудна. При счастливомъ сочетаніи отличныхъ дарованій, холерикъ чувствуетъ влеченіе къ великимъ подвигамъ на поприщѣ, избранномъ по внушенію его таланта. Если онъ артистъ, то возбуждаетъ въ другихъ благоговѣніе къ своимъ способностямъ и возвышаетъ искусство въ глазахъ обыкновенныхъ людей. Если онъ воинъ, повсюду славится какъ благоразумный и неустрашимый герой. И среди всѣхъ занятій, какого бы рода они ни были, вы найдете въ немъ, при добромъ воспитаніи, истиннаго подвижника благочестія. Лицемѣріе, притворство, лесть, клевета, обманъ и другіе по-

добные пороки для людей съ великодушнымъ холерическимъ темпераментомъ кажутся самыми презрѣнными.

Флегматическій темпераментъ, господствующій въ Голландцахъ и Англичанахъ, по видимому, самый не благопріятный для трудныхъ подвиговъ, которыхъ требуетъ нравственное совершенство. Флегматикъ любитъ тѣлесный покой, бездѣйствіе, долгой сонъ и роскошь въ пищѣ и питіи. Во всѣхъ поступкахъ его видна какая-то холодность и излишняя медленность. Убійственное для сангвиника равнодушіе простирается у него до крайности. Ни особенная радость, ни горькая печаль, ни пламенная любовь, ни жестокая ненависть въ сердцѣ флегматика несумѣстны. Но медленный въ сужденіяхъ и хладнокровный въ поступкахъ своихъ, онъ много выигрываетъ ожиданіемъ, терпѣніемъ и постоянствомъ, не предаваясь ни легкомыслію, ни страстямъ. Эти свойства производятъ то, что флегматикъ, по естественному своему настроенію, въ правилахъ Святой Вѣры всегда постоянъ и непоколебимъ, хотя бы въ доказательство святости ихъ онъ принужденъ былъ пожертвовать всѣми драгоцѣнными благами.

Но если бы темпераменты, каждый въ собственномъ качествѣ, и не благопріятствовали нравственному развитію духа человѣческаго, то должно помнить, что ни одинъ изъ нихъ и ни въ одномъ человѣкѣ не находится безъ смѣшенія съ другими, въ своемъ оригинальномъ знаменованіи. Обыкновенно бываетъ, что всѣ темпераменты соединяются въ какомъ-либо одномъ преобладающемъ. Такъ сангвинический темпераментъ не можетъ существовать безъ сліянія съ холерическимъ, какъ наслажденіе безъ дѣятельности; а меланхолическій безъ смѣшенія съ флегматическимъ, какъ склонность къ уединенію безъ равнодушія и безпечности. Даже тѣ самые темпераменты, которые почитаются противоположными между собою, не могутъ находиться въ человѣкѣ одинъ безъ другаго. Проницательный взоръ видитъ въ смерти жизнь, какъ въ частныхъ страданіяхъ общее наслажденіе, и наоборотъ въ жизни смерть, которая не рѣдко приходитъ къ намъ подъ мрачнымъ покрываломъ печали, отравляющей прелести земнаго существованія. Отсюда раждается взаимность между наслажденіемъ и уединеніемъ, между дѣятельностію и равнодушіемъ ко всему. Сколько извѣстно по опы-

ту, сліяніе темпераментовъ въ людяхъ весьма разнообразно; по поелику оно не есть слѣдствіе какихъ-либо причинъ случайныхъ, а имѣетъ свое основаніе въ существѣ органической природы недѣлимыхъ и ея отношеній къ психическому бытію людей, то остается заключить, что каждому относительно нравственнаго образованія благопріятствуетъ тотъ темпераментъ, который онъ имѣетъ, и что внѣ этого темперамента, естественнаго ему, онъ былъ бы существомъ жалкимъ.

Что касается до преобладанія въ извѣстныхъ лицахъ одного темперамента надъ всѣми другими, то съ нимъ Природа премудро соединила разнообразіе талантовъ. Доказательство этого разнообразія заключается въ безчисленныхъ отрасляхъ науки и искусства, которыя всѣ находятъ для себя ревностныхъ поборниковъ, полагающихъ верхъ своего счастія въ защищеніи достоинства ихъ и безпрерывныхъ усовершеніяхъ. Почему, стараться о перемѣнѣ одного господствующаго темперамента на другой было бы заблужденіе. Единственное попеченіе человѣка, для сохраненія естественной физіономіи души, должно состоять въ томъ, чтобы не разстроить гармонію между талантомъ и темпераментомъ.

Ибо талантъ, раздѣлившійся съ темпераментомъ, разрываетъ самъ себя и остается безплоднымъ. Съ другой стороны, темпераментъ, при небреженіи естественнымъ даромъ, теряется въ крайностяхъ, такъ что наслажденіе сангвиника доходитъ до ненасытимой жадности, дѣятельность холерика до изнеможенія, меланхолія превращается въ убійственное отчаяніе, флегматизмъ въ грубое безчувствіе. Способъ согласованія таланта съ темпераментомъ одинъ—добрая нравственность. Чѣмъ совершеннѣе у кого нравственность, тѣмъ въ большемъ согласіи находится естественный даръ съ темпераментомъ. И обратно, чѣмъ въ большемъ согласіи находится естественный даръ съ темпераментомъ, тѣмъ удобнѣе можетъ совершенствоваться нравственность.

Такимъ образомъ темпераменты, съ какой бы стороны мы на нихъ ни смотрѣли, благопріятствуютъ развитію въ насъ добрыхъ помысловъ и религіозныхъ чувствованій.

3.) Новое и сильнѣйшее побужденіе къ нравственному возвышенію человѣка Природа доставляетъ чрезъ раздѣленіе половъ на мужескій и женскій. Это раздѣленіе начинается съ насѣкомыхъ и, восходя до человѣка, во всѣхъ родахъ и клас-

сахъ животныхъ имѣетъ свои особенности. Приглядываясь къ нашему роду, можно усматривать, что полнота органическаго совершенства выражается у мужчины преимущественнымъ развитіемъ мозга, а у женщины сердца. Сообразно этому основному различію половъ, у перваго все тѣло устроено для большихъ трудовъ и перенесенія опасностей. Высокій ростъ, крѣпкія кости и мышцы, большая голова, открытый видъ и величественный станъ, — все показываетъ, каковъ долженъ быть мужчина. У послѣдней напротивъ всѣ члены слабѣе и меньше, изъ чего видно ея преимущественное назначеніе для жизни семейственной. Необыкновенная раздражительность нервовъ, и особенная чувствительность сколько въ мужчинѣ не естественны, столько въ женщинахъ обыкновенны. Но какъ тотъ такъ и другой полъ, въ отдѣльности взятый, несовершенъ, односторонненъ въ развитіи организма. Въ мужчинѣ недостаетъ чувствительности женщины, въ женщинѣ крѣпости и силъ мужчины. Очевидно, что, по назначенію Природы, оба они должны составлять какъ бы одинъ совершеннѣйшій организмъ, съ полнымъ развитіемъ мозга и сердца. Женщина, говоритъ одинъ изъ нашихъ Физіо-

логовъ, есть цвѣтокъ, сокрытый въ почкѣ, развивающейся только для возлюбленнаго ея. Мужчинѣ, послѣ этого остается, по нашему мнѣнію, быть свѣжимъ и тонкимъ воздухомъ, чтобы проникать и живить цвѣтокъ, который самъ для него распускается.

Отъ органической разности между мужескимъ и женскимъ поломъ естественно происходитъ то, что одному изъ нихъ болѣе свойственны одни наклонности и расположенія, другому другія. Мужчину не занимаютъ предметы, относящіеся къ домашнему порядку, чистотѣ и опрятности, какъ женщину; онъ преимущественно увлекается дѣятельностію на поприщѣ государственныхъ обязанностей, возложенныхъ на него или самимъ принятыхъ, и приходитъ къ подругѣ своей послѣ трудовъ вкусить отраду спокойствія. Женщинѣ, напротивъ, не свойственно вмѣшиваться въ дѣла гражданскія, которыя требуютъ большихъ соображеній и твердой головы. Главное занятіе ея должно состоять въ домашнемъ воспитаніи дѣтей своихъ. Мужчина дѣйствуетъ болѣе по уму или размышленію и волѣ, а женщина по чувству и склонности. Первый, жертвуя всѣмъ удерживать за собою самостоятельность, столь необходимую для него; послѣдняя, преда-

ваясь существомъ своимъ мужу, старается особливо о томъ, чтобы нравиться ему. Мужчина, по самому значенію своего пола, долженъ быть мужествень и неустрашимъ; женщина, при естественной робости и стыдливости, должна предпочитать всему скромность и цѣломудріе. Это различное настроеніе душевныхъ силъ въ двухъ полахъ, хотя не препятствуетъ быть отлично добрыми ни одному мужчинѣ, ни одной женщинѣ, однако ограничиваетъ кругъ дѣятельности ихъ извѣстными предѣлами. Торжество добродѣтели является тамъ, гдѣ мужъ и жена соединяются союзомъ нравственнаго совершенства. Печать этого союза заключается въ любви, которую Природа вложила въ того и другую, безъ сомнѣнія, не для другой цѣли, какъ для общаго блага и счастія людей, особенно соединенныхъ тѣснѣйшими связями и ближайшими отношеніями.

Если вникать въ назначеніе половаго раздѣленія, то откроется, что Природа и здѣсь не забыла внушить человѣку его обязанности. Одна мысль о плодѣ брачнаго союза сколько должна породить чувствъ и волненій въ душѣ супруговъ, можетъ быть, непріятныхъ для суетности человѣческой, за то нравственно-добрыхъ! Быть

отцемъ? Быть матерью? Какой глубокой смыслъ заключается въ этихъ словахъ! Съ ними неразрывно соединяется представленіе о счастіи или несчастіи того существа, которому суждено Провидѣніемъ познать жизнь и котораго участь первоначально находится въ полной зависимости отъ родителей. Между тѣмъ такъ легко разрушить благополучіе дѣтей: неосторожность матери въ пищѣ и питіи, сильныя страсти, нечистыя пожеланія, уродливыя картины воображенія, каждый шагъ неправильно сдѣланный, каждый поступокъ необдуманный производятъ болѣе или менѣе вредное вліяніе на плодъ супружескаго союза, носимый подъ ея сердцемъ. Но это еще только начало опасностей, которыя угрожаютъ младенцу. Воспитаніе его есть такой предметъ, который заставляетъ призадуматься надъ собою самыхъ безпечныхъ родителей. Съ одной стороны слабость дѣтской организаціи и способность ея ко всѣмъ измѣненіямъ вынуждаютъ страшиться за здоровье и жизнь дитяти. Съ другой стороны предлежитъ еще большая опасность, чтобы съ молокомъ материнмъ не сообщились ему многія дурныя наклонности и привычки. Во время первоначальнаго развитія силъ, душа человѣческая

такъ нѣжна и такъ чувствительна ко всѣмъ впечатлѣніямъ, особливо матерпимъ, что они врѣзываются въ самую глубину ея и составляютъ сѣмена, которыя, при развитіи воли, никогда не остаются безплодными. По обыкновенной слабости нашей природы, зло скорѣе перенимается отъ другихъ, чѣмъ добро. Одинъ дурной примѣръ, одно соблазнительное слово, или неосторожное согласіе на непозволительный поступокъ,—и склонность къ пороку водворяется въ юномъ сердцѣ. Кто съ этой вѣрной точки зрѣнія станетъ смотрѣть на брачную жизнь, тотъ согласится, что быть истиннымъ мужемъ и истинною женою значитъ отказаться отъ суетныхъ приличій свѣта и жить сообразно съ правилами Святой Вѣры.

4.) По размноженіи человѣческаго рода, естественныя нужды, касающіяся частію физическаго, частію духовнаго состоянія людей, заставляли ихъ постепенно разъединяться между собою и распространяться по лицу земли. Отсюда произошли различныя общества, изъ коихъ каждое имѣло или имѣетъ свой духъ, свои законы и права для гражданъ. Нужно ли говорить о пользѣ общественной жизни? Сознаніе человѣческаго достоинства и чув-

ство свободы, науки и искусства, выгоды жизни и домашній покой суть плоды цивилизаціи. Только въ гражданскомъ быту человѣкъ вступаетъ въ свою собственную сферу, какъ существо разумно-свободное; и Природа охотно здѣсь уступаетъ ему права разумныхъ существъ, предоставивъ его благоразумію руководиться тѣми или другими законами и извлекать для себя изъ различныхъ обстоятельствъ и потребностей жизни тѣ или другія правила, чтобы сообразоваться съ ними въ дѣятельности. Но уступивъ надлежащія права своему сыну, попечительная мать—Природа удерживаетъ за собою право, требовать отъ него добраго ихъ употребленія. Уваженіе этого права сопровождается благодействіемъ царствъ, а пренебреженіе имъ неминуемо влечетъ за собою общественныя бѣдствія, всегда оканчивающіяся разрушеніемъ политическаго организма народовъ. Какъ тѣ, такъ и другія слѣдствія очевиднѣйшимъ образомъ оправдались на Греціи и Римѣ; а послѣ Вавилона, который такъ славенъ былъ въ древности, не осталось ни какихъ слѣдовъ его существованія. Таковъ естественный порядокъ вещей въ мірѣ нравственно-политическомъ, и, должно сказать, вполнѣ достойный попечительной Природы. Если

гдѣ, то въ немъ весьма ясно открывается что Природа воспитываетъ на землѣ человѣчество для неба.

Поелику на землѣ всѣ органическія силы и физическія законы направлены къ нравственному усовершенію и счастію человѣка, то можно предположить, что и всѣ планеты, составляющія дивную систему мірозданія имѣютъ между прочимъ цѣлію развитіе нравственно-добрыхъ потребностей въ существахъ разумныхъ. Правда, заключеніе отъ такой части міра, какова наша земля, къ цѣлой Вселенной, можетъ казаться слишкомъ поспѣшнымъ и мало заслуживающимъ вѣроятіе; но если не можетъ быть ничего достойнѣе Творца и возвышеннѣе для тварей, какъ безконечное усовершеніе ихъ и блаженство; если притомъ наша планета, которая составляетъ не болѣе атома въ цѣлой системѣ мірозданія, получаетъ въ человѣкѣ нравственное значеніе; то ужели несмѣтное множество міровъ существуетъ безъ высшихъ цѣлей? Ужели назначеніе ихъ ограничивается тѣмъ, чтобы разсѣвать мракъ ночи и услаждать взоры наши? Сомнѣніе въ существованіи, кромѣ человѣка, другихъ разумныхъ обитателей Природы, облеченныхъ болѣе или менѣе тонкими формами чувственности, въ

наше время не многимъ можетъ казаться справедливымъ; самый простой взглядъ на міръ подтверждаетъ мысль противную. Органическая жизнь не можетъ составлять принадлежность одной нашей планеты, которая въ ряду всѣхъ системъ солнечныхъ, составляющихъ Вселенную, изчезаетъ какъ капля въ океанѣ. Сообразнѣе съ разумомъ думать, что весь міръ есть одно стройное органическое, и землѣ нашей предназначено быть въ немъ малымъ органомъ. Но если и въ этомъ небольшомъ органѣ обнаруживается разумная жизнь, то можно ли воображать отсутствіе ея въ остальныхъ частяхъ безпредѣльнаго организма Природы? Одно уже это чувство, одушевляющее насъ, при внимательномъ взорѣ на небо, это желаніе разрѣшиться отъ формъ пространства и летѣть въ выспреннія міры, не доказываютъ ли, что тамъ есть намъ братья, принимающіе участіе въ нашей бѣдственной долѣ? Кромѣ того, когда все показываетъ и превосходство нашего духа надъ всѣми земными твореніями и нашу близость къ нимъ по чувствамъ и желаніямъ души, отрадно и вмѣстѣ необходимо предположить рядъ существъ разумныхъ, болѣе приближающихся умственными и нравственными качествами къ своему Создате-

лю. Какое убійственное чувство овладѣло бы сердцемъ нашимъ, если бы мы въ необъятномъ мірозданіи видѣли одинъ огромныя массы вещества, движущагося по неизмѣнпымъ законамъ, и среди всѣхъ этихъ массъ обитающаго въ части вещества одного человѣка, который невѣренъ своему предназначенію? Какъ мраченъ былъ бы нашъ взглядъ на Вселенную, если бы мы видѣли въ ней сколько богатства и разнообразія въ жизни неразумно-органической, столько же бѣдности и однообразія въ существахъ разумно-свободныхъ! Нѣтъ; Творецъ, безконечный по существу своему и совершенствамъ, не могъ ограничиться созданіемъ человѣка, точно такъ же, какъ Онъ не ограничился сотвореніемъ одной земли. Безконечное можетъ вполнѣ проявить свои совершенства только въ безконечной постепенности разумныхъ твореній.

Допустивъ бытіе разумныхъ существъ на другихъ планетахъ, какъ на землѣ, и утвердивши, что эти планеты имѣютъ между прочимъ цѣлію нравственное возвышеніе своихъ обитателей, подобныхъ намъ, не трудно показать, какимъ образомъ Природа способствуетъ развитію въ нихъ религіозныхъ потребностей. Если существа,

обитающія въ небесныхъ жилищахъ, облечены тѣлеснымъ организмомъ, какъ бы онъ тонокъ, духовенъ и *безтѣлесенъ* по отношенію къ намъ ни былъ (иначе нельзя представлять бытія тварей, которыя по самой природѣ своей не могутъ существовать внѣ условій пространства и времени): то органическія способности, безъ сомнѣнія, составляютъ для нихъ, какъ и для насъ, первое и самое важнѣйшее средство къ развитію и усовершенію духовныхъ силъ, по происхожденію своему не принадлежащихъ ни какой планетѣ. Чувственный организмъ, какъ бы его не представляли, предполагаетъ ограниченіе высшихъ способностей духа, по причинѣ котораго разумъ не можетъ непосредственно созерцать истины и свобода безусловно стремиться къ благу. Поэтому-то всѣ существа конечныя познаютъ истину, если она не открывается непосредственно Существомъ Безконечнымъ, только при помощи разсужденія и совершаютъ нравственно-добрыя дѣйствія на выборъ изъ многихъ. Само собою очевидно, что это разсужденіе и этотъ выборъ, судя по степенямъ совершенства разумныхъ тварей, для однихъ долженъ быть удобнѣе, для другихъ если не труднѣе, по крайней мѣрѣ, опаснѣе. Что касается до

первоначальнаго развитія органическихъ способностей въ небожителяхъ, то у насъ нѣтъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно бы было сказать о немъ что нибудь съ достовѣрностію. Тѣмъ менѣе мы имѣемъ право прилагать къ обитателямъ другихъ міровъ средства, *располагающія* человѣка къ нравственному усовершенію, потому что они суть такія явленія, которыя могутъ почитаться особенностями нашей планеты.

ГЛАВА II.

О душевныхъ болѣзняхъ.

Цѣль разсужденія объ этомъ предметѣ и части изслѣдованія. — Понятіе о душевныхъ болѣзняхъ. — Различные роды душевныхъ болѣзней. — Болѣзни ума. — a) Умопомѣшательство. — b) Безумство. — Болѣзни сердца. — a) Меланхолія б) Манія или бѣшенство. — в) Смертонеистовство. — Причины душевныхъ болѣзней. — Тѣлесныя причины душевныхъ болѣзней. — Психическія причины душевныхъ болѣзней. — Отношеніе магнитизма къ душевнымъ болѣзнямъ. — Неосновательность сомнѣній въ существованіи магнитизма. — Виды магнитизма. — Общій дѣятель магнитизма естественнаго и искусственнаго. — Изъясненіе феноменовъ естественнаго магнитизма. — Возможность искусственнаго магнитизма. — Тожество органическихъ и духовныхъ отправленій въ недѣлимыхъ, поставленныхъ въ соприкосновеніе съ магнитизеромъ. — Условія, безъ-которыхъ искусственный магнитизмъ невозможенъ. — Результатъ всей главы.

Изъ горнихъ, очаровательныхъ міровъ
намъ должно перенестись мыслію опять

на землю и обратить вниманіе на тѣхъ несчастныхъ, которые, будучи осуждены на страданія душевными болѣзнями, живутъ не какъ существа разумно-свободныя, но какъ рабы необходимости, недовѣдомо для самихъ управляемые какими либо сумазбродными идеями. Цѣль нашего разсужденія объ этомъ предметѣ состоитъ въ томъ, чтобы согласить съ основною мыслію объ отношеніи Природы къ разумнымъ тварямъ факты, которые по видимому рѣшительно ей противорѣчатъ. Но чтобы искусно развязать узелъ видимый несообразности ихъ съ цѣлями, къ которымъ Природа ведетъ человѣка, мы должны, хотя кратко, показать сущность, роды и причины душевныхъ болѣзней.

Болѣзнь душевная вообще есть не что иное, какъ уклоненіе душевныхъ способностей отъ нормальной ихъ дѣятельности. Посему перевѣсъ умственныхъ отправленій надъ отправленіями воли, или рабское угожденіе ума желаніямъ сердца, утученіе плоти, зависящее отъ безпечности души, или совершенное умерщвленіе, происходящее отъ излишне-напряженной дѣятельности душевныхъ силъ, чрезмѣрная привязанность разсудка къ однимъ идеямъ и непреодолимое влеченіе воли къ извѣст-

нымъ предметамъ показываютъ больное состояніе души. Но, принимая болѣзни душевныя въ этомъ обширномъ смыслѣ, мы должны, съ Байрономъ, признать всѣхъ людей болѣе или менѣе сумасшедшими; потому что нѣтъ ни одного человѣка, у котораго всѣ способности души находились бы въ совершенной и постоянной гармоніи между собою, и который не имѣлъ бы своихъ любимыхъ идей и несчастныхъ наклонностей. Между тѣмъ, по самой всеобщности психическихъ недуговъ въ родѣ человѣческомъ, странно бы показалось для всякаго, еслибы кто включилъ въ число безумныхъ человѣка, не только худо управляющаго своими мыслями и желаніями, но даже съ рѣшительно дурнымъ направленіемъ ума и сердца. Къ этому классу жалкихъ собратій нашихъ обыкновенно причисляются тѣ, у которыхъ, по какимъ либо особливымъ обстоятельствамъ, помрачилось самосвѣдѣніе души, и потому различныя направленія способностей не могутъ быть приведены въ единство. Впрочемъ и самое помраченіе сознанія, освѣщающаго лучемъ своимъ внутреннее состояніе человѣка, не всегда можно называть безумiемъ, хотя оно необходимо сопровождается потерею владычества свободно-дѣятельной

силы надъ всѣми или нѣкоторыми отправленіями психической жизни. Ни тѣ, кои подвергаются бреду въ горячькахъ, ни тѣ, кои безумствуютъ отъ вина, или отъ сильныхъ возмущеній сердца не могутъ быть названы безумными, потому что они лишаются употребленія самосознанія и свободы лишь на короткое время. Только тѣхъ должно признавать психически больными, которые лишаются свѣта самосознанія и свободнаго назначенія на долгое время, и подвергаются бреду не по какимъ либо скоропреходящимъ причинамъ. Правда, въ продолженіе цѣлыхъ лѣтъ безумія случаются минуты, когда самосвѣдѣніе, какъ солнце изъ затучь, проглядываетъ въ сумасшедшихъ. Это бываетъ, безъ сомнѣнія, тогда, когда въ отправленіяхъ организма происходятъ измѣненія, благопріятствующія естественнымъ обнаруженіямъ душевныхъ способностей и когда больной чувствуетъ свое внутреннее разстройство и скорбитъ о своемъ бѣдственномъ положеніи. Но эти минуты доказываютъ только то, что есть возможность психически больныхъ возвращать въ прежнее здоровье. И такъ душевная болѣзнь состоитъ въ долговременномъ помраченіи самосознанія и въ лишеніи владычества свободы надъ всѣми

или нѣкоторыми отправленіями психической жизни.

Психіатрія или наука о душевныхъ болѣзняхъ получила начало свое въ глубокой древности; но развитіе ея принадлежитъ нашимъ временамъ. Цѣлые вѣка протекали, какъ люди, смотря на безуміе, болѣе удивлялись ему нежели старались основательно изслѣдовать, отъ чего оно происходитъ и въ какихъ видахъ обнаруживается. Наконецъ любовь къ человѣчеству, чуждая всякаго суевѣрія, и желаніе оказать помощь несчастнымъ этого рода были причиною того, что начали глубже вникать въ свойства душевныхъ болѣзней и три формы, извѣстныя подъ именемъ меланхоліи, бѣшенства и безумія, въ которыхъ сумасшествіе излагалось почти до нашего столѣтія, составляютъ нынѣ самую меньшую часть Психіатріи. Такъ, Докторъ Медицины Г. Бутковскій, принимая въ соображеніе три главныхъ рода душевныхъ дѣйствій: умопредставленіе, чувствованіе и вожделѣніе, кои имѣютъ ближайшее отношеніе къ мозгу и къ узловатой системѣ груди и брюха, выводитъ, на началахъ сообразныхъ этимъ тремъ дѣйствіямъ души и органамъ нервной системы, четыре основныя части ученія о ду-

шевныхъ болѣзняхъ. Къ первой части у него относится разстройство всѣхъ трехъ психико-соматическихъ сферъ, коего характеръ составляетъ неправильное дѣйствіе разсудка, чувствъ и побужденій, оказывающееся въ одно и тоже время. Ко второй части принадлежитъ разстройство умственной сферы, коего общій характеръ есть бредъ о всѣхъ предметахъ. Въ третей части онъ занимается разстройствомъ чувственной сферы, коего главный характеръ состоитъ въ неправильномъ чувствованіи, соединенномъ съ бредомъ о какихъ либо особыхъ предметахъ. Наконецъ въ четвертую часть его Психіатріи входитъ разстройство желательной сферы, коего отличительный характеръ составляютъ неправильныя побужденія съ исключительнымъ бредомъ. Это главное раздѣленіе предметовъ Психіатріи у него еще подраздѣляется на многія вѣтви, судя по возвышенію или понижению дѣятельности тѣхъ органовъ, въ которыхъ происходитъ разстройство (*). Впрочемъ, не имѣя въ виду тѣхъ цѣлей, для которыхъ врачи подмѣчаютъ всѣ оттѣнки

(*) См. Душевн. болѣзни, изложенныя сообразно началамъ нынѣшняго ученія Психіатріи Доктор. Медицин. Петромъ Бутковскимъ. С. Петербургъ 1834. Ч. I. стр. 42 — 43.

психическихъ припадковъ, мы можемъ разсматривать душевныя болѣзни общѣе, какъ болѣзни ума и сердца.

Душевныя болѣзни, происходящія отъ разстройства силъ познавательныхъ и безпорядка въ ихъ отправленіяхъ, суть a) *умопзступленіе* и b) *безумство*, изъ коихъ послѣднее обнаруживается въ двухъ особыхъ формахъ — въ *помышательствѣ* и *сумасшествіи*.

Умопзступленіе, сколько можно судить по наблюденіямъ надъ больными, подверженными этому недугу, состоитъ въ напряженной и почти безпрерывной дѣятельности воображенія, которое увлекаетъ разсудокъ изъ міра дѣйствительнаго въ міръ очаровательныхъ мечтаній. Для умопзступленнаго предметы, дѣйствующіе отвнѣ, какъ бы не существуютъ, и если онъ обращается мыслію своею къ міру дѣйствительному, то въ немъ ничего не встрѣчаетъ кромѣ благопріятныхъ обстоятельствъ или непреоборимыхъ препятствій къ пріобрѣтенію вожделеннаго сокровища. Образы вещей представляются ему въ тѣхъ размѣрахъ и формахъ, какія свойственны одному разстроенному воображенію, и не только не завлекаютъ его вниманіе къ существующему порядку Природы и человѣ-

ческихъ дѣяній, но даже помогаютъ воспроизводить въ душѣ любимыя имъ мечты. Эти мечты бываютъ столько разнообразны сколько многочисленны предметы, къ которымъ человѣкъ можетъ быть привязанъ душею. Но обыкновеннѣе всего, умопзступленные мечтатели разговариваютъ съ своими вазлюбленными, съ духами покровителями или злыми, съ которыми они воображаютъ себя въ ближайшихъ сношеніяхъ, и въ своихъ бесѣдахъ съ неземными существами то смѣются, то плачутъ, то поютъ, то говорятъ несвязныя рѣчи въ стихахъ, которыя-либо сами составляютъ, либо откуда нибудь заимствуютъ. Нерѣдко случается, что въ умопзступленіи больные стараются скрывать отъ другихъ свои сумазбродныя идеи, толкуя и защищая свои желанія, мнѣнія о Религіи, политикѣ, наукахъ и т. п. Это признакъ болѣзни еще несовершенно вкоренившейся въ ихъ душахъ. Съ усиленіемъ припадковъ, лспѣе обозначаются предметы, на которыхъ они помѣшаны, особливо когда оставляютъ ихъ въ уединеніи, и не препятствуютъ ввѣрять своихъ мыслей бумагѣ.

Безумство состоитъ въ превратномъ образѣ сужденія иногда объ одномъ или многихъ предметахъ, принадлежащихъ къ

извѣстному классу, а чаще обовсемъ, что подходитъ подъ форму человѣческаго мышленія. Оно отличается отъ обыкновенныхъ заблужденій разсудка тѣмъ, что послѣдній въ припадкѣ безумія приписываетъ вещамъ свойства, не имѣющія къ нимъ никакого отношенія и несомнѣнно вѣритъ въ достовѣрность своихъ безсвязныхъ, часто смѣшныхъ сужденій. Низшій степень безумія есть *помѣшательство* или *сумазбродство*, которое обнаруживается разстройствомъ ума въ отношеніи собственному лицу больнаго и особливо касательно предначертаній и плановъ, которые занимаютъ его голову. Посему сумазброды большею частію углублены въ самихъ себя, и заняты рѣшеніемъ, по ихъ мнѣнію, важныхъ задачъ, какъ напр. изобрѣтеніемъ новой посылки для силлогизма, или изливаютъ предъ другими свои радостныя чувства, потому что будто бы имъ удалось овладѣть искусствомъ дѣлать золото, открыть тайну чтобы никогда не проигрываться въ азардныхъ играхъ, найти удобнѣйшее средство изъ сала доставать воскъ и т. п. Мнимое обладаніе этими и другими подобными сокровищами весьма часто доходитъ до того, что одержимые душевнымъ недугомъ почитаютъ себя императорами,

королями, князьями, папами, славными генералами, и даже неземными существами; и тогда помѣшательство ихъ переходитъ уже въ *сумасшествіе.* Сумасшедшіе отъ властолюбія чрезвычайно дѣятельны: они безпрерывно заводятъ новыя сношенія съ иностранными государствами и ожидаютъ себѣ отъ нихъ несмѣтныхъ богатствъ, стараются о перенесеніи столицъ на выгоднѣйшія мѣста, строятъ воздушныя крѣпости, награждаютъ съ видомъ самодовольства всякаго, кто по видимому соглашается съ ними въ мысляхъ, и наказываютъ всѣхъ, не признающихъ своей отъ нихъ зависимости. Даже во внѣшнемъ положеніи больные этого рода стараются поддержать достоинство и важность тѣхъ особъ, которыхъ имя они безпаказанно на себя принимаютъ. Одежда, распоряженіе вещами, которыхъ у нихъ иногда вовсе нѣтъ, слова и поступки, все подтверждаетъ, что они хотятъ надѣтую на себя маску показывать другимъ за дѣйствительное лице. Вы напомните сумасшедшему о его состояніи и заключеніи въ больницѣ, которое дѣлаетъ невозможнымъ всякое осуществленіе мечтательныхъ плановъ; онъ въ самомъ дѣлѣ будетъ сожалѣть о своемъ настоящемъ положеніи, отнесетъ причину его къ не-

доброжелательству и зависти людей, однакожъ станетъ утѣшаться по крайней мѣрѣ переворотомъ обстоятельствъ имѣющимъ скоро послѣдовать.

Къ болѣзнямъ душевнымъ, которыя обнаруживаются преимущественно въ разстройствѣ сердечныхъ чувствъ и расположеній, принадлежатъ а) Меланхолія, б) Манія или бѣшенство, и в) смертонепостовство. Нѣкоторые относятъ сюда ипохондрію и истерику, какъ видъ ипохондріи, но не совсѣмъ справедливо. Ибо эти припадки суть случайные, происходящіе отъ причинъ кратковременныхъ и болѣе или менѣе зависящихъ отъ свободы, каковы напр. неправильность въ діетѣ и сосредоточенное вниманіе на воображаемыхъ болѣзняхъ и близкой смерти. Люди трудолюбивые, не имѣющіе досуга заниматься непріятными ощущеніями своего тѣла, свободны отъ тяжкихъ недуговъ Ипохондріи.

Меланхолія обнаруживается въ горестныхъ чувствахъ, происходящихъ впрочемъ не отъ такихъ впечатлѣній, которыя должны оставить въ душѣ постоянную тоску и уныніе, но отъ представленій о какомъ либо несчастіи, увеличенныхъ мечтательнымъ воображеніемъ, и обратившихся въ наклонность больнаго. Доколѣ эта

болѣзнь не развивается во всей полнотѣ своей, страждущій ею не хочетъ обнаруживать предъ другими раны своего сердца, но томное лице его, нѣкоторая небрежность въ одеждѣ, безпрерывное молчаніе и отвѣты, не имѣющіе прямаго отношенія къ вопросамъ, показываютъ, что сердце его разобщилось съ дѣйствительнымъ міромъ, и сродилось съ другимъ, который по справедливости можетъ быть названъ и міромъ несчастныхъ, убитыхъ тоскою мечтателей. Поведеніе меланхолика, не принимающаго участія ни въ какихъ радостяхъ жизни, и обнаруживающаго большую холодность къ самой жизни, весьма странно. Онъ удаляется отъ всякихъ сообществъ и разговоровъ съ другими, бѣгаетъ отъ людей въ уединенные мѣста, чтобы свободнѣе тамъ предаться своей печали, бродитъ въ разсѣянности и безъ всякой опредѣленной цѣли по лѣсамъ и по полямъ, любитъ посѣщать въ ночное время кладбище, особливо если могила приняла въ себя предметъ его скорби. Иногда онъ ходитъ со всею поспѣшностію, иногда неподвижно сидитъ или стоитъ на одномъ мѣстѣ, углубившись въ самаго себя, и вы не услышите отъ него ничего, кромѣ невнятныхъ отрывистыхъ выраженій и вздоховъ,

исполненныхъ тоски душевной. Такъ сильно могутъ овладѣть разсудкомъ и волею сердечныя чувствованія! Наружность Меланхолика не менѣе разстроена, чѣмъ самая душа. Лице его блѣдно, щеки впалыя, глаза померкли, волосы разбросаны въ безпорядкѣ, въ одеждѣ видна вся небрежность о внѣшнемъ. Страннѣе всего то, что убійственная точка меланхоліи часто раждается отъ однихъ нелѣпыхъ умопредставленій. Г. Базили, посѣщая въ Константинополѣ домъ сумасшедшихъ, нашелъ одного несчастнаго, который увѣряетъ всѣхъ, что онъ лишился головы во время бывшаго возмущенія Янычаръ, и болѣе не принадлежитъ этому міру.

Манія или бѣшенство состоитъ въ сильныхъ порывахъ больнаго, не имѣющихъ никакой опредѣленной цѣли. Обыкновенныя дѣйствія бѣшеныхъ суть пронзительный ревъ и крикъ, терзаніе своего тѣла, брань со всѣми, встрѣчающимися съ ними лицами и готовность вступить съ каждымъ въ драку, если не устрашать ихъ палкою или другимъ чѣмъ. Во время неистовства одержимыхъ этою болѣзнію, физическія силы увеличиваются почти до невѣроятности, такъ что суевѣріе видитъ въ нихъ могущество не человѣческое, но бѣсовское,

(отъ чего и произошло наименованіе бѣшенства). Еще болѣе, въ эти минуты извращаются нравственныя качества больныхъ. Самые невинныя особы, особливо изъ женскаго пола, теряютъ всю стыдливость. Привязанныя доселѣ къ родителямъ или родственникамъ получаютъ отъ нихъ отвращеніе и готовы посягнуть на самую жизнь ихъ.

Непреодолимое стремленіе убивать другихъ можетъ быть названо *смертоненистовствомъ*, этотъ родъ болѣзни самый ужасный. Надобно видѣть, какъ больной борется съ самимъ собою, прежде нежели рѣшится совершить убійство. Онъ призываетъ на помощь религію, чтобы свѣтъ ея прогналъ мрачную мысль, затаившуюся въ немъ; упрекаетъ себя за столь постыдное желаніе; хочетъ какимъ бы то ни было образомъ превозмочь въ себѣ смертоненистовство, но всѣ усилія его остаются напрасны. Ужасная мысль объ убійствѣ всюду преслѣдуетъ больнаго, и является ему менѣе и менѣе страшною, такъ что наконецъ онъ свыкается съ нею какъ съ родною, разсматриваетъ препятствія, которыя могутъ встрѣтиться съ нимъ при осуществленіи адскаго замысла и, приготовивъ всѣ средства къ удаленію ихъ, совершаетъ со всѣмъ

хладнокровіемъ задуманное злодѣйство, равно какъ по совершеніи его не боится повсюду разсказывать о своемъ поступкѣ. Какое отвратительное зрѣлище, когда застаютъ отца, убившаго въ припадкѣ смертоненистовства любимыхъ чадъ своихъ, и безумно улыбающагося при взглядѣ на ихъ трупы, которые еще дымятся кровію! Онъ радуется, что его малыя чада уже не развратятся отъ господствующихъ въ свѣтѣ пороковъ, и что невинные они наслѣдятъ блаженство. Послѣдствія смертоубійства для него также ни мало не страшны; онъ утѣшается тою мыслію, что съ него сложитъ тяжкое и неудобоносимое бремя жизни. Одна только черта одержимыхъ болѣзнію этого рода достойна уваженія: они просятъ находящихся при нихъ удалиться, когда чувствуютъ приближеніе припадковъ своего неистоваго вожделенія.

При размышленіи о различныхъ родахъ душевныхъ болѣзней, изъ коихъ мы показали только главныя, естественно раждается вопросъ: отъ чего эти болѣзни происходятъ въ людяхъ? Гдѣ заключаются причины разстройства органическихъ силъ и психической жизни? Въ половинѣ XVI вѣка господствовало между врачами мнѣніе, что демонъ вселяется въ человѣка и

производитъ душевную болѣзнь. Но вскорѣ Григорій Горстъ (1578—1656), Профессоръ Виттенбергскаго Университета замѣтилъ всю нелѣпость этого предположенія, и попытался изъяснить сущность и всѣ явленія меланхоліи по матеріальнымъ понятіямъ. По его мнѣнію, причины этой болѣзни заключаются въ особенномъ меланхолическомъ сокѣ, въ густой черной крови и сухомъ, жесткомъ состояніи мозга. Послѣдуя примѣру сего знаменитаго Лейбъ-Медика, Захарій Платнеръ (1694—1748), Лейпцигскій Профессоръ, изложилъ понятіе о меланхоліи и бѣшенствѣ, придерживаясь древнихъ мнѣній совершенно матеріальныхъ. Впрочемъ, какъ вездѣ, такъ и здѣсь одна крайность не могла быть безъ другой. Почти въ то время, какъ Горстъ изъяснялъ сущность меланхоліи изъ матеріальныхъ причинъ, Георгъ Шталь, Лейбъ-Медикъ Короля Прусскаго, выдалъ систему, гдѣ доказываетъ, что одна только душа, которая созидаетъ и сохраняетъ тѣло, есть основаніе Психическихъ болѣзней. Ипотеза его нашла многихъ послѣдователей, которые съ жаромъ ее защищали и развивали до тѣхъ поръ, пока не доведены были до необходимости признать душевныя болѣзни слѣдствіемъ причинъ не только психическихъ,

по вмѣстѣ и тѣлесныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли представлять организмъ и жизнь органическую безъ взаимнаго вліянія? Сколько достовѣрно, что разстройство души выражается во всѣхъ пріемахъ тѣлесныхъ, столькоже не подлежитъ сомнѣнію и то, что перемѣны тѣлесныя сопровождаются измѣненіями душевными. Отличный примѣръ этихъ измѣненій сообщаетъ Mason Cox, говоря объ одномъ сумасшедшемъ, который при 90 (въ минуту) ударахъ жилобіенія находился въ бѣшенствѣ, при 70 съ полнымъ разсудкомъ, при 50 въ меланхоліи и наконецъ при 40 въ полумертвомъ состояніи. И если трупы больныхъ помѣшательствомъ не всегда представляютъ разность въ органическомъ устройствѣ отъ обыкновеннаго, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы въ больныхъ не было разстройства органическихъ отправленій, какія нужны для правильныхъ обнаруженій души. И такъ причины душевныхъ болѣзней заключаются какъ 1) въ организмѣ, такъ и 2) въ психической жизни.

1) Ближайшая тѣлесная причина душевныхъ болѣзней, по всей вѣроятности, заключается въ неправильномъ обращеніи нервной жидкости, которымъ обнаруживается разстройство, существующее или

во всѣхъ системахъ нервныхъ, или въ одной мозговой, симпатической, брюшной. Это разстройство можетъ происходить отъ различныхъ и многообразныхъ вліяній на органическія силы, между коими важнѣйшее мѣсто занимаютъ: падучая болѣзнь, разныя нервныя боли, легочная чахотка, злокачественная лихорадка, излишество въ употребленіи горячихъ напитковъ, ядъ, изнуреніе силъ, органическіе пороки сердца, раненіе головы и пр. По большею частію, особливо въ высшемъ классѣ людей, тѣлесное разстройство достается по наслѣдству отъ родителей. Возрастъ, въ которомъ чаще обнаруживаются душевныя болѣзни въ людяхъ, опредѣляется Г. Бутковскимъ отъ двадцатаго до пятидесятаго, и Г. Шульце отъ тридцатаго до сороковаго года.

2) Психическія причины всякаго помѣшательства суть или умственныя или сердечныя. Къ первымъ относится природное тупоуміе, склонность къ мечтательности, истерика и ипохондрія. Несбыточные планы, въ осуществленіи коихъ мечтатели полагаютъ все свое счастіе, обыкновенно сопровождаются *сумазбродствомъ*, а воображаемыя бѣдствія, которыми мучатся подверженные ипохондріи и истерикѣ,

обращаются часто въ *меланхолію*. Къ послѣднимъ принадлежатъ всѣ необычайныя волненія чувствъ и страстей, произведенныя печальными событіями и обстоятельствами человѣческой жизни. Сколько несчастныхъ страдаетъ сумасшествіемъ отъ ревности, потерянной любви, нищеты, оскорбленія чести, внезапныхъ перемѣнъ счастія и т. п. Вообще, душевныя болѣзни гораздо чаще зарождаются въ сердцѣ, нежели въ познавательныхъ способностяхъ, хотя разстройство въ чувствованіяхъ сердечныхъ всегда имѣетъ сильное вліяніе на умственную сферу души. И удивительно ли? Сердце человѣческое можно уподобить волкану, котораго внутренній огонь бываетъ тѣмъ опаснѣе, чѣмъ долѣе не выбрасывается на поверхность земли. Счастливъ тотъ, у кого жгучій пламень сердечныхъ мученій лавою горячихъ слезъ вырывается на лице: это знакъ, что онъ затихнетъ. Но если онъ останавливается въ сердцѣ и мало по малу обнимаетъ все существо души, тогда весь плотный составъ человѣка приходитъ въ сильное разстройство, иногда скоро разрушается.

Къ душевнымъ болѣзнямъ относится также и магнитизмъ, какъ состояніе орга-

пческой жизни совершенно несестественное и разстроенное. Поелику же въ ученомъ мірѣ существуютъ различныя мнѣнія объ этой болѣзни, и поелику факты, прилагаемые къ ней, требуютъ разборчивой критики: то въ предосторожность отъ заблужденій, мы будемъ разсуждать о магнитизмѣ гораздо подробнѣе, нежели о прочихъ болѣзняхъ.

Ревностные защитники магнитизма повѣствуютъ о такихъ психическихъ явленіяхъ, которыя по причинѣ чудесности своей превышаютъ всякое вѣроятіе. Они разсказываютъ, что подверженные этому припадку узнаютъ какія нужны лѣкарства для уврачеванія ихъ болѣзни и когда болѣзнь ихъ прекратится, прозираютъ въ мысли другихъ, видятъ предметы, имѣющіе къ нимъ отношеніе въ странахъ самыхъ отдаленныхъ, и наконецъ могутъ изъясняться на неизвѣстныхъ имъ языкахъ. Можетъ ли здравый умъ подобные бредни принять за истинные факты? И удивительно ли, что многіе усумнились въ существованіи самаго магнитизма? Впрочемъ злоупотребленіе какою либо вещію никогда не подрываетъ ея достовѣрности. Напротивъ, ложная монета доказываетъ бытіе истинной. Такъ и ложныя повѣствованія о

магнитизмѣ, безъ сомнѣнія, въ основаніи своемъ имѣютъ нѣчто достойное вѣроятія. Нѣтъ нужды, если наблюденія иногда не подтверждаютъ почти никакихъ явленій, приписываемыхъ тѣмъ, которые бываютъ подвержены припадкамъ этого недуга; не всякой разъ и не въ каждое время извѣстныя дѣйствія Природы могутъ давать одинаковые результаты. Довольно того, что число стоющихъ всякаго довѣрія очевидцовъ, страшныхъ феноменовъ животнаго магнитизма, едва ли не превышаетъ классъ скептиковъ, безразсудно отвергающихъ съ бреднями шарлатанства дѣйствительность самаго предмета, изъ котораго оно сдѣлало злоупотребленіе.

Извѣстно, что всѣ феномены магнитическія суть дѣйствія чувствительности не нормальныя и не правильныя, что всѣ акты чувствительности получаютъ начало свое въ системѣ первной сердечной и въ системѣ первной мозговой. Поэтому магнитизмъ можетъ быть или *естественный*, состоящій въ напряженіи симпатической системы, или *искусственный*, который обнаруживается въ возвышенной дѣятельности мозга.

Общій дѣятель какъ естественнаго, такъ и искусственнаго магнитизма, по всей вѣроятности, есть электрическо-нервная

жидкость, которая имѣетъ особливое мѣстопребываніе въ системѣ нервной; хотя прикосновеніе не до нервовъ и отъ того происходящее ощущеніе доказываетъ, что она разливается въ нѣкоторомъ количествѣ и около нервовъ. Это летучее вещество стремится придти въ равновѣсіе, безпрепятственно проникаетъ темныя тѣла и въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ ихъ сдѣлать свѣтлыми; оно образуетъ около организмовъ нѣкоторымъ образомъ живую атмосферу и можетъ дѣлиться и совокупляться, умножаться и умепьшаться; его можно взволновать вожденіемъ руки до того, что въ лицѣ потерявшаго равновѣсіе эопрной жидкости явно оказывается притяженіе или склонность къ субъекту, причинившему разстройство и отталкиваніе тѣхъ, которые не стоятъ въ соприкосновеніи съ магнитизеромъ. Одинъ простой моментъ, что эта жидкая, летучая матерія, потерявъ равновѣсіе и приливши въ одну которую-либо систему организма производитъ напряженіе способностей, достаточенъ къ изъясненію всѣхъ феномеповъ магнитизма.

Во время покоя мозговой системы, какъ то бываетъ въ естествепномъ магнитизмѣ, электрическо-нервная жидкость у извѣстныхъ лицъ съ избыткомъ стекается въ гал-

гліяхъ и, поелику не подчиняется высшимъ способностямъ души, естественно можетъ быть причиною нѣкоторыхъ необычайныхъ явленій органической жизни. Таковыя явленія суть:

1) *Сонъ несравненно глубочайшій обыкновеннаго, или того, который предшествуетъ магнитическому состоянію.* Поелику въ состояніи магнитизма внѣшнія чувства находятся въ совершенномъ покоѣ, то и сонъ естественно долженъ быть самый крѣпкій. Этотъ же сонъ дѣлается легче, когда система симпатическая вступаетъ въ органическія сношенія съ мозговою и начинаетъ принимать отъ ней обратныя дѣйствія. Тогда бываетъ состояніе полусна, въ которомъ больной, при нечувствительномъ употребленіи внѣшнихъ органовъ, понимаетъ говорящихъ и отвѣчаетъ на ихъ вопросы. Однакожъ когда первная жидкость возвращается къ внѣшнимъ чувствамъ и, такъ сказать, ослабѣваетъ отъ предшествовавшей дѣятельности, тогда для возстановленія силъ ея снова потребенъ глубокій сонъ. Итакъ, въ первомъ случаѣ, глубочайшій сонъ можетъ происходить отъ чрезмѣрнаго прилива, а во второмъ отъ чрезмѣрнаго ослабленія первной жидкости въ симпатической системѣ первовъ.

2) *Необыкновенное напряженіе мускуловъ.* Во время бездѣйствія внѣшнихъ чувствъ иногда электрическо-нервное вещество расходится изъ мозга по мускульнымъ нервамъ, и по силѣ жизненности бываетъ причиною такихъ движеній, коихъ энергія и быстрота превышаютъ почти всякую вѣроятность. Впрочемъ не одно состояніе магнитизма сопровождается подобнымъ измѣненіемъ органической дѣятельности. Кто не читалъ или не слыхалъ достовѣрныхъ разсказовъ о удивительной силѣ людей въ извѣстныхъ припадкахъ первическихъ болѣзней? Исидоръ Бурдонъ говоритъ объ одной женщинѣ, что она пробѣгала черезъ цѣлой Парижъ съ тяжелою наковальнею на груди, такъ что кузнецы мѣрными ударами молотовъ продолжали свою работу. Это явленіе, по его словамъ, неоднократно повторялось и можетъ быть объяснено упругостію воздуха, который удерживался въ груди упомянутой женщины, съ одной стороны запершимся дыхательнымъ горломъ, а съ другой сжатіемъ животныхъ внутренностей. Въ такомъ случаѣ, для груди тяжесть наковальни значитъ тоже, что для организма человѣческаго вообще тяжесть давящей его атмосферы.

(*) Traité de Somnambul. pag 330.

3) *Совершенство памяти и воображенія.* Не трудно понять, почему состояніе магнитизма благопріятствуетъ болѣе воображенію и памяти, нежели разсудку и разуму. Послѣдніе не столько зависятъ отъ матеріи, сколько первыя, коихъ дѣйствія совершаются не иначе, какъ при посредствѣ первной жидкости.

4) *Совершенство внутренняго ощущенія, дающее знать больному, что происходитъ въ его организмѣ.* Дѣятельность электрическо-нервнаго вещества, переходя отъ внѣшнихъ чувствъ въ ганглій, очевидно, должна сдѣлать гораздо живѣе внутреннюю силу ощущенія. Посему неудивительно, что человѣкъ въ состояніи магнитизма ощущаетъ самыя тайныя движенія внутреннихъ частей тѣла. Таковое сосредоточеніе чувствительности внутри организма становится еще вѣроятнѣе, если припомнить, что и безчувственныя части его, какъ напр: волосы, кости, и ногти иногда бываютъ подвержены нѣкоторой раздражительности. Равнымъ образомъ ресницы, назначенныя для преломленія солнечныхъ лучей, чтобы не повредилось отъ нихъ зрѣніе, въ извѣстныхъ болѣзняхъ не могутъ спосить безъ страданій самого легчайшаго прикосновенія свѣта.

5) *Прекращеніе свободной дѣятельности духа.* Оно есть необходимое слѣдствіе успокоенія внѣшнихъ чувствъ, которое бываетъ въ состояніи магнитизма. Но поелику духъ ни на одну минуту не можетъ оставаться безъ всякой дѣятельности, то для списканія ей пищи, онъ устремляется, при посредствѣ первной жидкости, къ сердцу, которое такимъ образомъ дѣлается средоточіемъ всѣхъ душевныхъ отправленій. И когда всѣ внутреннія работы освѣщаются свѣтотворною жидкостію, какъ свѣточемъ, находящимся внутри тѣла, въ то самое время разсудокъ принимаетъ впечатлѣнія, производимыя на него сердцемъ и воля вполнѣ подчиняется внутреннимъ ощущеніямъ. Здѣсь-то получаетъ свое начало магнитическій бредъ, о которомъ такъ много толковъ. Ревностнѣйшіе изъ защитниковъ магнитизма предполагаютъ, что, при освѣщеніи органическихъ работъ внутри тѣла первно-электрическимъ веществомъ, разумъ непосредственно созерцаетъ внутренній механизмъ тѣла и на основаніи своихъ видѣній угадываетъ будущія событія, особливо тѣ, которыя относятся до поправленія здоровья больнаго его организма. Но думать такъ значило бы допустить, что разумъ можетъ видѣть сокровенный меха-

низмъ тѣла такими же очами, какими мы видимъ колеса часовъ; ибо въ настоящемъ состояніи нашемъ это есть единственный способъ къ пріобрѣтенію наглядныхъ познаній. Всего вѣроятнѣе, что сила внутренняго ощущенія, темнаго и неопредѣленнаго въ самомъ себѣ, и мечты воображенія разстроиваютъ разсудокъ, подчиненный имъ въ состояніи магнитизма; и отсюда уже легко раждается въ больномъ бредъ своею болѣзнію.

6) *Забвеніе, по пробужденіи отъ магнитическаго сна, всего того, что было въ немъ ощущаемо.* Этотъ фактъ доказываетъ помраченіе самосвѣдѣнія въ больномъ, во время припадковъ его болѣзни, и легко объясняется возвращеніемъ равновѣсія нервной жидкости, при которомъ память вступаетъ въ свое нормальное состояніе дѣятельности. Такъ, пробуждаясь отъ обыкновеннаго сна, мы часто забываемъ подробности сновидѣній, которыми наслаждались въ своемъ воображеніи и воспоминаемъ о нихъ только въ цѣломъ, и то сбивчиво.

Изъяснивъ феномены естественнаго магнитизма, не трудно понять возможность магнитизма искусственнаго. Таже летучая електрическо-нервная матерія, которая находится подъ вліяніемъ органической жи-

зни и подчиняетъ себѣ всѣ способности души, можетъ въ свое время покориться человѣческой волѣ. Мы уже замѣтили, до чего можно взволновать ее въ тѣлѣ вожденіемъ руки. Но этого не довольно; магнитизеръ, съ сильною волею, заставляетъ ее переходить изъ своей организаціи въ организмъ другаго человѣка, совершенно подчинившаго ему свою свободу, — и вотъ начало той связи людей, которой примѣры хотя рѣдки, но тѣмъ не менѣе достовѣрные представляетъ намъ Исторія.

Эта связь, или лучше сказать, это тожество органическихъ и духовныхъ отправленій въ двухъ или многихъ недѣлимыхъ, поставленныхъ въ соприкосновеніи съ магнитизеромъ, поддерживается сходствомъ между ихъ организмами, которое происходитъ отъ обобщенія нервной жидкости. Будучи соединены взаимнымъ союзомъ, всѣ они суть не что иное, какъ части одного цѣлаго, управляемыя однимъ общимъ инстинктомъ, одушевляемыя одними общими мыслями и ощущеніями. Движенія, болѣзненныя чувства, прихоти и наклонности магнитизера,—все передается на нѣкоторое время тѣмъ, которые находятся съ нимъ, или его пацієнтомъ, въ соприкосновеніи. Извѣстнѣйшій образецъ подобнаго союза

между людьми представляютъ намъ Сіамскіе близнецы. »Они принуждены дѣй-
» ствовать всегда вмѣстѣ и одинаково; дви-
» женія ихъ управляются одною волею и,
» что всего удивительнѣе, эта воля равно
» отъ нихъ обоихъ зависитъ. Ихъ склонно-
» сти и желанія находятся въ такой гармо-
» ніи, что какъ скоро одному изъ нихъ за-
» хочется что нибудь дѣлать, немедленно хо-
» четъ того и другой (*). « Правда, здѣсь сим-патическая связь соединяетъ между собою два только лица, но что препятствуетъ распространить возможность ея и на многихъ людей? Предположимъ равную силу чув-ства съ магнитизеромъ въ тѣхъ лицахъ, которыя поставлены съ нимъ въ соприкосновеніи, представимъ, что въ точкахъ соприкосновенія они, подобно вѣтьвямъ, срослись между собою и стали жить одною общею жизнею; не тѣже ли это будутъ Сіамскіе близнецы?

Соединеніе намагнитизпрованнаго съ лицемъ отсутствующимъ чрезъ посредство извѣстной вещи есть фактъ сколько удивительный, столькоже и достойный вѣро-ятія. Припомнимъ себѣ исторію, кажется

(*) Rapport de M. M. Jeoffrei Saint-Hilaire et serres sur les jameaux Siamois

Шатобріаномъ разсказанную, о томъ дитяти Канадскихъ жителей, которое заблудилось въ неизмѣримой глубинѣ лѣсовъ и было возвращено родителямъ собакою дикаря, бѣжавшею по слѣдамъ дитяти. Объясненіе этого послѣдняго факта имѣетъ приложеніе и къ первому, съ тѣмъ только различіемъ, что безпрерывное сообщеніе между псомъ и дитятею совершалось посредствомъ проводника болѣе грубаго, нежели проводникъ, посредствомъ котораго намагнитизированный соединяется съ лицемъ отсутствующимъ. Тамъ были этимъ проводникомъ частицы испаряющіяся изъ дитяти, а здѣсь электрическо-нервная жидкость.

Впрочемъ, не всякой можетъ успѣшно подвергаться вліянію магнитизера. На людей наслаждающихся полнымъ здоровьемъ, онъ не можетъ произвесть никакого дѣйствія; потому что въ ихъ организмахъ жизненные соки находятся въ равновѣсіи и прямомъ отношеніи ко всѣмъ нуждамъ тѣлеснымъ. Даже самые больные не могутъ безусловно принимать отъ него всѣхъ впечатлѣній. Для этого нужно паціенту на время отказаться отъ употребленія своей воли и отдать себя въ полную власть того, кто хочетъ привесть его въ состояніе животнаго магнитизма. Иначе невозможна

никакая симпатія въ мысляхъ и желаніяхъ двухъ лицъ. Кромѣ того, электрическая жидкость, при извѣстномъ ея количествѣ, должна имѣть извѣстную степень уклоненія отъ своей нормальной вращательности въ организмѣ больнаго и посредственно или непосредственно соединять его съ магнитизеромъ и тѣми, которые хотятъ испытать на себѣ дѣйствія магнитизма. Не безъ основанія говорятъ, что присутствіе нѣкоторыхъ особъ тревожитъ намагнитизированнаго, такъ что онъ не можетъ успокоиться, доколѣ они не удалятся отъ него. Причина этого заключается въ особенномъ свойствѣ нервной жидкости, обнаруживающемся отталкиваніемъ тѣхъ лицъ, которыя не находятся въ соприкосновеніи съ магнитизеромъ.

Изъ всего, сказаннаго нами о душевныхъ болѣзняхъ, ясно открывается, что Природа находится въ борьбѣ съ человѣкомъ и нерѣдко, вмѣсто возвышенія въ немъ нравственнаго совершенства, угнетаетъ его разумно-свободный духъ своимъ диспотизмомъ. Но откуда произошло это несогласіе Природы съ человѣкомъ и съ собственными своими цѣлями въ отношеніи къ нему? Творецъ, какъ Существо безконечно совершеннѣйшее, не могъ создать тварей одна дру-

гую угнетающихъ, или взаимно противорѣчущихъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Тѣмъ менѣе могла разстроиться гармонія Природы сама собою; потому что всѣ существа, составляющія видимый нами міръ, живутъ и дѣйствуютъ по необходимымъ законамъ. Только въ человѣкѣ, который принадлежитъ двумъ различнымъ мірамъ, есть мѣсто свободѣ, и слѣдовательно въ немъ должно искать начала того разстройства, которое, повидимому, причиняетъ ему Природа. Съ этой стороны Гейнротъ справедливо утверждаетъ, что всѣ душевныя болѣзни происходятъ изъ нравственнаго повреждения. Если бы родъ человѣческій не палъ, то не могло бы родиться въ организмѣ человѣческомъ никакихъ болѣзней. Итакъ тѣ факты, которые, повидимому, прямо противорячатъ коренной нашей мысли объ отношеніи Природы къ человѣку, доказываютъ одно то, что онъ разстроилъ гармонію между собою и природою, но не опровергаютъ общей цѣли міра въ отношеніи къ разумнымъ тварямъ.

КОНЕЦЪ.

2007113236